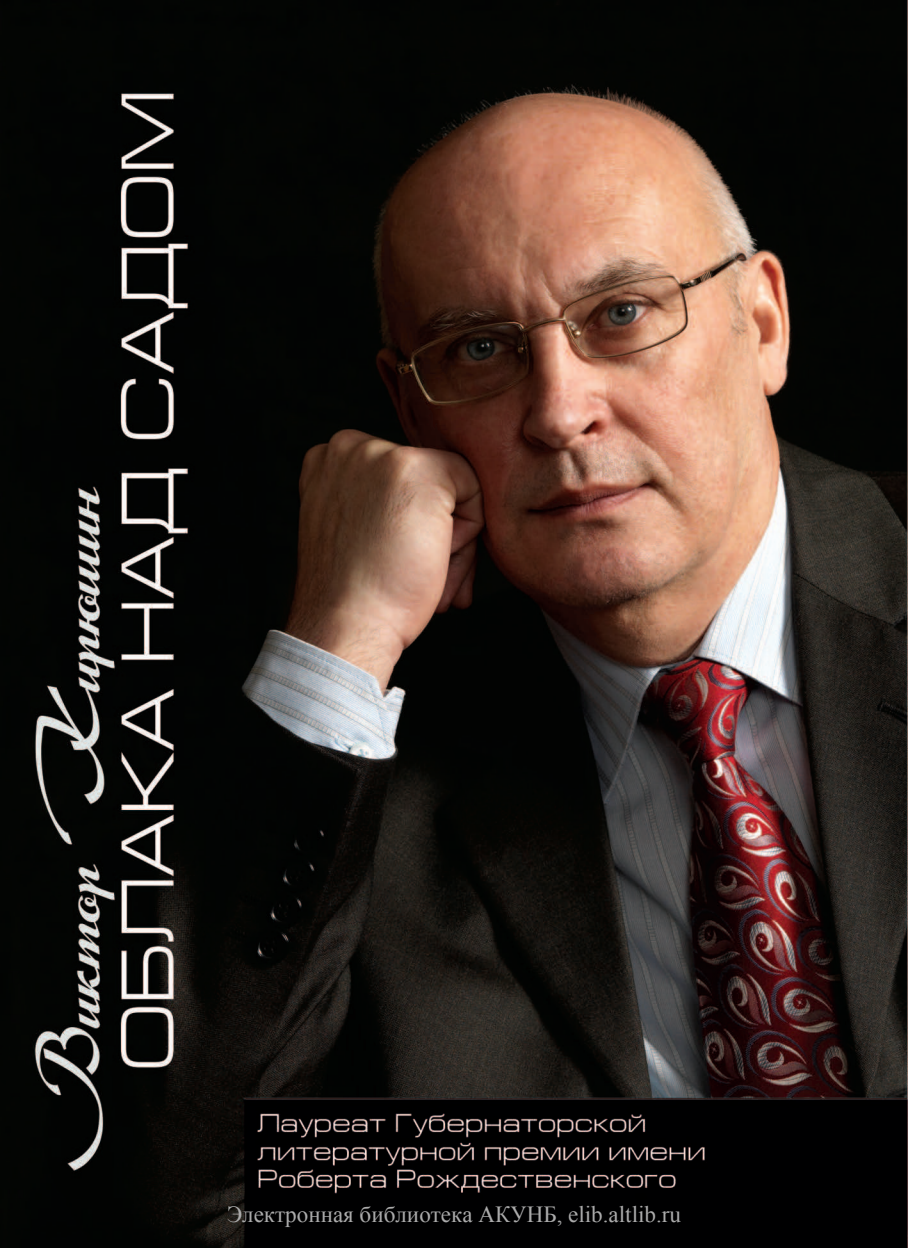


Виктор Курочкин
ОБЛАКА НАД САДОМ

A portrait of Viktor Kurочкиn, a middle-aged man with glasses, wearing a dark suit, a light blue striped shirt, and a red tie with a white paisley pattern. He is resting his chin on his right hand and looking directly at the camera with a serious expression.

Лауреат Губернаторской
литературной премии имени
Роберта Рождественского

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru



Виктор Курдюшин
ОБЛАКА НАД САДОМ

Лауреат Губернаторской
литературной премии имени
Роберта Рождественского

*Издание подготовлено по заказу
и при финансовой поддержке
Правительства Алтайского края
в рамках Губернаторского издательского проекта*

Кирюшин, В. Ф.

К — 438 Облака над садом: стихотворения / В. Ф. Кирюшин; М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул : ООО «АЗБУКА», 2019. — 256 с. — (Лауреаты губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского).

ISBN 978-5-93957-937-7

Книга Виктора Кирюшина «Облака над садом» — сборник стихов разных лет, написанных в лучшей демократической традиции отечественной поэзии.

Его пейзажная, любовная и гражданская лирика музыкальна и нежна, благородна и патриотична. Она поражает точностью и характеризует личность самого автора, обладающего «абсолютным слухом души».

Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93957-937-7

ББК 84(2Рос-Рус)6 — 5

© В. Ф. Кирюшин, 2019

© А. В. Кирилин, 2019

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2019

Литературная премия имени Роберта Рождественского

учреждена в 2012 году Губернатором Алтайского края и посвящена памяти родившегося на Алтае русского поэта, внесшего большой вклад в отечественную и мировую культуру.

Роберт Рождественский вместе со своими талантливыми сверстниками Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной стал кумиром эпохи — поэтические встречи «шестидесятников» собирали огромные стадионы. Поэзия Роберта Рождественского пронизана особой искренностью и свежестью, всегдашней актуальностью и современностью.

Стихи Рождественского — о великой стране, в которой он жил, о ее героических и самых обычных людях, о грандиозных и малых делах советской истории. Из-под его «пера» всё выходило удивительно искренне и талантливо. Он говорил о великом — но очень просто и понятно. А стихи Роберта Рождественского о любви наполнены не только проявлениями цельности героя, но и драматическими противоречиями, сердечными тревогами, поисками смысла жизни и неповторимого счастья. За годы творчества поэт создал множество текстов популярных песен, ставших музыкальным наследием эпохи.

Премия имени Р. И. Рождественского присуждается один раз в два года за поэтические произведения. Её вручает Губернатор Алтайского края во время Рождественских чтений, которые проходят в два этапа — в Барнауле, в музее истории литературы, искусства и культуры Алтайского края (ГМИЛИКА), и в селе Косиха, где родился поэт.

Первым лауреатом Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского в 2012 году стал поэт, боевой офицер, полковник в отставке Виктор Верстаков из Москвы. Вторым — уроженец Алтайского края, проживающий сейчас в Ленинградской области, Виктор Брюховецкий. Третий лауреат — Александр Кердан из Екатеринбурга, член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России.

А в 2018 году четвёртым лауреатом стал Виктор Кирюшин.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Фёдорович Кирюшин родился 17 октября 1953 года в городе Брянске в семье рабочих.

Поэт, переводчик, публицист, книгоиздатель. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Работал на Брянском машиностроительном заводе, служил в Советской армии. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В журналистике прошёл путь от корреспондента многотиражной газеты до главного редактора издательств «Молодая гвардия» и «Сельская новь». Удостоен высшей награды Союза журналистов России – знака «Честь. Достоинство. Профессионализм», золотой медали Министерства сельского хозяйства «За вклад в развитие агропрома России».

Стихи публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Континент», «Смена», «Москва», «Наш современник», «Поэзия», «Сибирские огни», «Подъём», «Молодая гвардия», «Родная Ладога», «Новая Немига» (Белоруссия), «Простор» (Казахстан), альманахе «День поэзии», антологиях «Венок славы», «Русская поэзия: XX век» и других. Автор пяти поэтических книг, а также переводов с французского, болгарского, серболужицкого, грузинского, украинского языков.

Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства, Всероссийских премий имени Тютчева «Русский путь», имени Николая Гумилёва, Марины Цветаевой, Международной премии имени Андрея Платонова, Независимой премии имени Бориса Корнилова. Золотой лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil» в Германии, «Литературная Вена» в Австрии.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

НЕБЕСКОНЕЧНАЯ ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Разбейте интернет о камень! Он вам наговорит...

Откроете «Виктор Кирюшин» и чего только не узнаете: и редактор молодёжной газеты, и коридоры ЦК комсомола, и главный редактор издательств «Молодая гвардия» и «Сельская новь». До поэзии ли в таких кабинетах? Читай чужое да капризничай или благословляй – в зависимости от настроения и характера. Но мы нет-нет да виделись и в «коридорах», и в Михайловском, и всякий раз во мне что-то на минуту сбивалось. Из-под очков глядело русским-русское лицо, построенное тишиной и любовью.

А всё до времени не читал.

Пока вот на днях не уцепился взглядом на библиотечной полке за название «Ангелы тревоги и надежды», потому что эти ангелы (и чаще ангел тревоги) навещают и меня в последние годы. А там и имя увидел – Виктор Кирюшин. Ну, здравствуйте, Виктор Фёдорович! Вот тут в интернет-то и заглянул – одно ли лицо? Ну, вот и получил эти «коридоры» и «главности». А как же ангел? Открыл книжку с некоторой тревогой, но уже через пять страниц был спокоен и счастлив.

Тот, тот ангел, который ещё к Александру Сергеевичу летал в Михайловском посреди изгнания (а мы сегодня, взгляните-ка: не в том же ли изгнании из родного дома – на каком-то бездушном чужом сквозняке в чистом поле?). Помните у Александра Сергеевича «Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня...». Вот и Виктора Фёдоровича она спасла от «коридоров», которые могут затянуть – не вырвешься. Да и нас сегодня спасает этим крылом любви и единства.

Читал с жадностью, словно искупая вину за прежнее невнимание. И опять мучился, как всегда при чтении поэзии. Надобно ли писать какие-то вступительные сло-

ва, когда хочется хватать читателя за рукав и, торопясь, читать вслух, перебивая себя, не dokonчив строки, потому что душа уже летит к следующей: а это! а это!

Ну, и тем более обрадуешься привету, что в своей критической работе отведал всех видов нынешнего постмодернизма в поэзии, всей тонкости изощренной образности и парадокса. И уже сдался было – куда денешься от века? А душа-то, оказывается, всё дитя родного неба, слепого дождя и леса, вечерней реки и заката, нечаянной любви и печали – всё пушкинская, тютчевская, фетовская, рубцовская. Оказывается, Музы, как ангелы, не стареют, а разве нет-нет да меняют платья, чтобы не бросаться в глаза новому времени, а душа всё та же – вечная и родная:

*Антоновкой пропахшая и сеном
Округа дремлет, вечностью дыша.
Но исподволь готовы к переменам
Созревшая природа и душа.*

И оттого порой перемену-то не сразу и увидишь, что «исподволь» и с антоновкой и сеном. Природа-ма-тушка врачует его и нас из стихотворения в стихотворение, словно Москвы-то и нет, а только «полутона и штрихи, и оттенки» Божьего мира, где «Мальчик спит в зеленой зыбке травы... И ходят молнии и тучи почти на цыпочках вдали».

Не отдельная она – природа-то, не там, а тут, в сердце поэта, и он слышит, как растёт трава и молится дерево, и сердце прозревает, что

*С дымкой предутренней млечною
И лебедой у межи
Кажется ясной и вечною
Небесконечная жизнь.*

И оттого он и пишет не «пейзаж», а человеческое сердце:

*Права, как облако и ливень.
Я без тебя не стал счастливей,
Живу непоправимо прав,
Сам у себя любовь украл.*

Как мы с пушкинского времени зависим от неба, от этих облака и ливня, реки и земли («и скатилась капля дождевая/ по земле, горячей, как щека»). Оттого и любовная его лирика тоже вся как рассвет и полдень, как улыбчивый вечер:

*О женщина! Автор и зритель
Спектакля, что создан шутя.
Пусть думает: Он – победитель!
Охотник наивный. Дитя.*

Временами это почти больно читать, потому что и ты знал эти невозвратные часы, и только обернёшься с тоской, как в его пронзительном стихотворении о нечаянной любви, оставленной где-то на полустанке, куда ещё можно примчаться, но нельзя вернуться:

*Случайная и лучшая из жён...
Потом минует день и вскрикнет электричка
И я тебе шепну: «Любимая, держись!»
Платок твой вдалеке погаснет, будто спичка,
А, может быть, свеча, а, может быть, и жизнь...*

У самого себя украденная любовь, та самая, что «права, как облако и ливень». Как жалованная однажды единственная подлинность, которую ты утратил уже не по своей воле, а потому что жизнь как-то на глазах, прямо в сборнике от прежних к нынешним стихам начала кособочиться и терять себя. И цельность любви

и света пошла загораживаться агрессивно беспамятным днём. Ни за каким лесом и ни за какой рекой, ни за какой любовью не спрячешься от «свободы», в которой «не обязан никто никому»:

*Снова о власти спорят обух и плетью...
Тьма высылает в дозоры за ратью рать.
Можно смириться с этим и бросить петь,
Чтобы стареть и медленно умирать...*

Можно, но не хочется, но и деться некуда:

*На рынке, у Божьего храма.
И в бане, и в детском саду.
Охрана, охрана, охрана.
Повсюду, куда ни пойдю.*

Я бы и цитировать не стал – чего себя раздражать, если бы поэт сдался и глядел чужими глазами судьи. Но он из русских же мальчиков, которые со времён Достоевского от ответственности не бегали и с себя вины не снимали: «А мы не судьи, мы – ответчики...».

*И...Хоть порой ко мне холодна страна,
Но в её вине и моя вина.
Как себе ни лги, а расклад такой:
Стану я другим, и она – другой...*

Тоже ведь старый рецепт («стану я другим»), как бес-сознательное, генетическое воспоминание о Серафиме Саровском и его завете «Спаси себя сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Но одним сознанием вины не спасёшься. Надо ухватываться за что-то понадёжнее. Можно, конечно, утешиться вековым опытом, давно доказавшим, что «медленно мельница времени мелет...// рушась и за-

ново соединяясь, мир изменяется, не изменяясь...». Но душа-то живая, её одной философской мыслью не ободришь, даже такой глубокой, как вот эта: «России всё дано на вырост – земля, история, судьба».

И поэт всё чаще, как все мы в поздней зрелости, обращается на прошедшее, хоть в снах вдыхая

*Аромат иной эпохи,
Той, где все любили всех.
И пускай неправда это,
Были ссоры и беда,
Почему-то больше света
В приснопамятном всегда.*

И правда ведь – больше света! И не только потому, что тогда были молоды, но и потому, что «ссоры и беда» были рождены жизнью, а не провокацией и ложью, как часто рождаются они сейчас. И оттого для нас всё чаще «всё грядущее неважно» (потому что вера в него подорвана ненадежностью и однодневностью настоящего), а «всё ушедшее – дороже. / И одна осталась вера и одна надежда – Слово». И ведь подлинно – это оно, Слово, полное долгой исторической жизни, спасало нас и в горе, и «во дни сомнений, во дни горестных раздумий о судьбах нашей Родины» (Тургенев), потому что в Нём, если держать его чистым и не подменять смыслы, как мы навострились сейчас, всё, как в евангельской дали, живёт Бог. И это с Ним, когда уже «жизнь прожита, грехи неискупимы», можно держать сердце открытым и не уступать неправде дня. Только

*...Суди себя по самой высшей мерке
И на краю тебя убережёт
Тот дивный свет, что никогда не меркнет,
И та любовь, что никогда не лжёт.*

Я выхожу из книги укреплённым и благодарным поэту, потому что прожил эту жизнь рядом и видел след общей мысли, и ангел тревоги и надежды (надежды! надежды!) не оставлял меня в пору чтения, как не оставит он теперь читателя. И хоть нет-нет ещё в долгих русских сумерках зайдётся сердце от горечи («По глупости однажды оглянулся / И жить не жил, а поле перешёл...»), но переможешься, дождёшься рассвета, и русская Муза опять удержит от последнего сомнения обнадеживающим «Когда-нибудь легко забудут нас, / Но всё-таки мы были, были, были...».

И опять как встарь, как при Александре Сергеече, «поэзия, как ангел-утешитель» спасёт нас для света и жизни.

*Валентин КУРБАТОВ,
критик, прозаик, литературовед*



РОДНОЕ

* * *

Пусто.
Ни крика, ни эха.
Торчит, как обида,
В поле трава из-под снега
Сиротского вида.

Превозмогая
Терпеньем жестокое время —
Былка сухая,
Давно потерявшая семья.

В звёздные верши
Минувшая канула небыль...
Что её держит
Под этим неласковым небом?

Травы и люди...
Мороз пробегает по коже:
Как мы по сути,
По судьбам нелепым
Похожи!

В этом же поле,
Где ветер гудит не стихая,
Плачу от боли —
Такая же былка сухая.

* * *

Превратностей земная череда
Для смертного, увы, недолго длится,
Но дерево и камень, и вода
Нас памятьливей на слова и лица.

Унылому забвенью вопреки,
Не принимая тленья и распада,
Они хранят касание руки
И трепет губ,
И безмятежность взгляда.

Мы разные, но мы одних кровей
Со всем преобразившимся однажды
В молчанье камня,
Музыку ветвей,
Глоток воды, спасающий от жажды.

На Руси предзимье.
Порыжело
В ожиданье первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.

На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.

Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,
А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...

Примеряют белые одежды
Улочки, бегущие к реке.
Ангелы тревоги и надежды
Неразлучны в каждом городке.

Свят покров над пажитью и пущей.
Шепчут губы: «Господи, спаси!»
Что нам обещает день грядущий?
Холодно.
Предзимье на Руси.

* * *

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту —
Слово рыбе, звериное, птичье,
Словно кость, застревает во рту.

Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!

Беззащитен и разумом смутен,
Смуглый пасынок ночи и дня,
Я такой же по крови и сути —
Муравью и пичуге родня.

Но природа, закрывшая двери,
Немотой продолжает корить.
О, свободные птицы и звери,
Научите меня говорить!

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Красное зарево, логово зверево,
Ворона в чёрном на мёртвом суку...
Старое дерево, старое дерево,
Всё повидало на долгом веку.

Радость — негаданна, горе — непрошено.
В небе растаяли дни-журавли.
Как тебя гнули ветра заполошные!
Гнули, да только сломать не смогли.

Варится варево, мелется мелево —
Вечности неистощимая снедь.
Старое дерево, старое дерево
Снова надеется зазеленеть.

Свежей корой затянуло отметину
Молнии, плоть опалившей твою.
Слышишь, за речкой кукушка ответила
Юному, в неге любви, соловью?

Кроне густой благодарны, как терему,
Птицы, птенцов сберегая в дупле.
Старому дереву, старому дереву,
Господи, дай устоять на земле!

ДОЖДЬ

Возникшая у кромки леса,
Плывёт над лугом, погода,
Полупрозрачная завеса
Живого, доброго, дождя.

Плывёт, колышется, не тает.
Вся — нежность и полутона,
Как будто музыка витает
У отворённого окна.

А там, размыты и нечётки,
Вдоль мокрых улочек пустых,
Берёз растрёпанные чёлки,
Рябин рубиновые чётки
И липы в каплях золотых.

* * *

В небе осеннем свинец
И в реке.
Глянешь:
И сердце сожмётся от боли.
Чёрная птица
Летит вдалеке
Через остывшее
Чёрное поле.
Тёмной водою набрякла межа.
Дикого хмеля оборваны плети.
И замирает, как поле, душа,
Жить без тепла привыкая на свете.

МОГИЛА ПОЭТА

Памяти Н. И. Тряпкина

Люди не ходят,
А травы к поэту пришли,
Следуя зову приательства и простодушья.
Немудрено украшение могильной земли —
Мята, кипрей, одуванчик
да сумка пастушья.

Ты укрощал табуны полудиких словес
И приручал своевольную птицу гагару...
Что там теперь
с не улыбчивых видно небес?
Тяжко ль молчания вынести вечную кару?

Крест потемневший
доверчиво обнял вьюнок.
В гуще крапивы
дождя мимолётного блёстки.
Славный поэту природа
соткала венки —
Хвощ да осот,
Сон-трава да кукушкины слёзки.

Люди больны,
Времена безнадёжно глухи.
Я бы и сам не поверил в наивные сказки,
Если б не знал,
Как растут из забвенья стихи —
Чертополох, василёк и анютины глазки.

ИСТИНА

Давайте о главном,
О сущем,
Чему и названия нет,
Как этим вот липам цветущим,
Густой источающим свет.

Что толку в раскладе учёном,
Ведь истина наверняка
В неявленном,
Ненаречённом,
Непонятом нами пока.

Как некая дивная птица,
Внезапно мелькнёт у лица...
И манит она,
И таится,
И гибнет
В руках у ловца.

СУДИМИР

Ночной перрон как будто вымер,
Безлюден крохотный вокзал.
— Какая станция?
— Судимир!
Случайный голос мне сказал.

Живя обыденным и сущим,
Кто не загадывал из нас
О предстоящем,
О грядущем,
Что ожидает в некий час?

Бесстрастно время, словно молох,
Нам не дано его продлить...
Но заглянуть за тёмный полог?
Предвидеть?
Предопределить?

За что же будем мы судимы?
Когда и кем?
Предвосхити,
Поскольку неисповедимы
Земные краткие пути.

Но больше не было ответа,
Лишь волновало душу мне
Чередованье тьмы и света
В незанавешенном окне.

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках,
При солнце,
При свечах
Мир созерцать отнюдь небесполезно:
В подробностях,
Деталях,
Мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

* * *

Заглохший сад.
Пугливых яблонь ряд.
В озябших кронах трепет лунных пятен.
Есть час, когда деревья говорят,
Но их язык для нас уже невнятен.

И остаётся только горевать,
Как человеческий бесполезен опыт,
Чтобы понять или истолковать
Листвы живой и первобытный шёпот.

ЖИЗНЬ

Просто ужин на плите,
Просто взгляды, встречи, лица...
Жизнь — прогулки в темноте
С тайной жаждой
Заблудиться.

Вот провал, а вот проём.
Дал же Бог такую ночку!
Оступаемся вдвоём,
Только падать
В одиночку.

Ветер вечности-реки
Продувает,
Злой и хлёсткий,
Отношений тупики,
Заблуждений перекрёстки.

Наступает в свой черёд
То, что было многократно:
Даже двигаясь вперёд,
Возвращаешься в обратно.

Прорастает, как лоза,
Наше прошлое в грядущем,
Но раскаянья слеза
Не видна во след идущим.

Так бывает, и притом
Понимать необходимо:
Человеческим судом
Только явное судимо.

Всё же тайного стыда
Малодушно не отриньте,
Чтоб не сгинуть без следа
В этом странном лабиринте.

* * *

Льнёт паутина к седеющим мхам.
Свет убывает.
Время рождаться грибам и стихам.
Так и бывает.

Снова сгорают в багряном огне
Тихие рощи.
Время подумать о завтрашнем дне
Строже и проще.

Что там в логу, на ветру трепеща,
Шепчет осина?
Время прощать,
Даже то, что прощать
Невыносимо.

* * *

Листья повымело дочиста,
Изморось на тополях.
Не тяготит одиночество
В этих остывших полях.

С дымкой предутренней млечною
И лебедой у межи
Кажется ясной и вечною
Небесконечная жизнь.

Звёзды качаются в омуте,
В чёрном лесу камыша.
Тикают ходики в комнате,
Вечно куда-то спеша.

НОЧЬЮ

Густеет ночь у Девичьего вира —
В округе полусонной
Ни огня.
Загадочнее сотворенья мира
Грядущее возникновенье дня.

В кромешной тьме неясно отразятся
Неровный шаг
И сбивчивая речь...
Подумаешь:
Откуда свету взяться?
Да и кому дано его зажечь?

И призрачным покажется вращенье
Вокруг светила тверди и воды.
И долго душу мучит ощущение
Какой-то неминуемой беды.

ДОРОГА

А путь туда нескладный да безрельсовый:
Беда, коль дождь нагрянет проливной!
Старается, пыхтит автобус рейсовый,
Качаясь, будто пьяница в пивной.

Намаешься, но к пункту назначения
Особо торопиться не с руки,
Пока несёт,
Баюкает течение
День ото дня мелеющей реки.

Пусть на удачу грех уже надеяться,
Когда минуешь самый дальний плёс,
Но над обрывом вспыхнувшее деревце
Вдруг отчего-то станет жаль до слёз.

Ах, жизнь моя, полова да окалина,
Небесконечных дней веретено...
Вот деревце —
От века неприкаянно,
Вот я стою, такой же, как оно.

ГЕРАНЬ

Памяти мамы

Серафимы Никитичны

И всё же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолуствий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски ярые бедна,
Но сколько нежности и света
Идёт от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамины герани
На подоконниках горят.

НА МЕДВЕДИЦЕ

Николаю Старшинову

Графика дождём промытых линий:
Тёмный бор,
Холодная река.
Тихо тлеют свечки белых лилий
В заводах, где дремлют облака.

С выводком пугливым, неумелым
Исчезает утка в камыше...
Есть ещё места на свете белом —
Рай глазам и вольница душе.

В срок, пока земля не стала пухом
И ходить не тягостно по ней,
Надышаться б вдоволь терпким духом
Смоляных обугленных корней.

В сонном царстве рыжиков и белых
Воздухом целебным пировать,
На лесных прогалинах замшелых
Позднюю чернику целовать.
Ветрено.

Просторно.

Одиноко.

И плывёт сквозь долгие века
Месяца недремлющее око,
Тёмный бор,
Холодная река.

РЕКА СЕСТРА

Моя река, моя Сестра!
Над синью омутов и бродов
Дымок осеннего костра
Плывёт с окрестных огородов.

И я плыву
По череде
Дней, чей запас, увы, редет,
По той таинственной воде,
Что и без нас не оскудеет.

Не широка и не долга
Река, не ставшая великой,
Но как же пахнут берега
Твои
Румяной земляникой!

Потом грибами и дождём,
Потом снегами и разлукой
И всем, чего от жизни ждём
За каждой новою излукой.

Чтоб в свой черёд
Уже иной
Мальчишка
Где-нибудь в Рязани
Увидел дивный мир земной
Моими жадными глазами.

ПОКРОВ

Просыпайся, душа!
Из нездешних миров
Вновь слетает,
Кружа,
Первый снег на Покров.

Осыпая листы
С почерневших ветвей,
Украшая кресты
И могил, и церквей.

Чёрно-белый наряд
От села до села,
И повсюду горят
Купола, купола.

В небе облака след,
А над Русью святой
Этот снег,
Этот свет
Золотой-золотой.

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
Горькой осиной,
С полем, ещё не остывшим пока.

С этим просёлком, где вязнут машины
И безнадёжно гудят провода,
С рощей, глухими дождями прошитой,
В блёстках мерцающих первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя зреет звезда,
С непроницаемым сумраком станций,
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
Жалостно-бабий
Русской метели космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот краешке света
Мы остаёмся самими собой.

РАННИЙ СНЕГ

Спутав приметы, прогнозы и сроки,
Осень уходит бочком да тишком.
Белым по золоту пишутся строки
Первым, ещё неокрепшим, снежком.

Гуси пролётные отголосили
Из поднебесной сырой пелены,
Но на юру березняк и осинник —
Белым по золоту —
Света полны.

Встать на заре, потеплее одеться,
Мерять дорогу, забыв о делах...
Белым по золоту —
Не наглядеться! —
Снег на деревьях и на куполах.

* * *

Ненастьем истерзанный чертополох,
За кромкой пустого песчаного пляжа.
Природа, как женщина без макияжа,
Укрыться от зрителя ищет предлог.

Листвы перепрелой пьянящий настой,
Качнётся под птицей взлетающей ветка,
И сердце защежит,
И станет пустой
Грудная,
Не самая прочная клетка.

* * *

Ходишь по краю,
Стоишь на краю,
Всем неугоден.
Каждую клеточкой
Осознаю —
Время уходит.

Глупо, родная,
На краткость пенять
Ясной погоде.
Просто пора наступает
Понять —
Время уходит!

Не потому ли
Нас тянет самих
К той несвободе,
Где невозможно
Расстаться на миг —
Время уходит!

* * *

Пишите от руки
Раскованно и вольно.
Пишите от реки,
От рощи белоствольной.
От первого лица
Пишите ночью мгливой,
От первого скворца
На веточке безливой.
В предутренней тиши,
Где свет мерцает влажно,
Пишите от души...
А прочее — неважно.

СНЕГИРЬ

Не копи ни обиды, ни страха
На пути к неземному суду...
Вновь снегирь, беспечальная птаха,
Поселился в январском саду.

По тебе я соскучился за год,
Угощаю, чем только могу —
От звенящих рубиновых ягод
До семян золотых на снегу.

Оскудевшего неба кольчуга.
Затяжное ненастье грядёт...
Ничего, перетерпим, пичуга.
Всё проходит, и это пройдёт.

Я, конечно, неволить не буду,
Только ты не спеши улетать.
Хорошо мне с тобой, красногрудый,
Эти стальные дни коротать.

Научи одержимости взмаха,
Безоглядной свободе крыла,
Чтобы жизнь без унынья и страха
Шла вперёд,
Убывала,
Была!

ЗИМНЯЯ РЕКА

Даже ворон не крикнет. Откуда?
И полозья не скрипнут. Куда?
Комариного звонкого гуда
Не осталось давно и следа.

Только стужа ворчит, матеря,
Да метелица путает след,
Вместо жаркого цвета кипрея
Рассыпая серебряный цвет.

Где трепещет сухая осока,
Обнажённая стонет ветла —
Гулом крови,
Движением сока
Жизнь как будто недавно была.

А теперь, словно в доме без окон,
В этой чёрной воде подо льдом
Затаился воинственный окунь,
Дремят чуткая щука и сом.

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стылые дни вдалеке,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к остывшей реке.

Это дерево знает и птица,
И вода понимает,
И твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

СТРАННИК

Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.

Смешно за выдуманным светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

ЖЕЛАНЬЕ

Отчего на сердце злость?
Каждый день, как на закланье.
Неожиданно сбылось
Затаённое желанье.

Оказалась тяжкой кладь:
Ни поднять, ни распротиться...
Надо прежде, чем желать,
Раза три перекреститься.

* * *

Услышать можно «нет» и «да»
В случайной фразе.
Так преломляется вода
В хрустальной вазе.

Опять бессвязный шум дождя
У самой двери.
Так что-то шепчут, уходя,
В уход не веря.

Надежда ветреная лжёт
О счастье рядом.
А вдруг и вправду обожжёт
Случайным взглядом?

Судьба ль замыслила менять
Пути и сроки...
Но разве смертному понять
Её намеки?

ПОПУТЧИЦА

Вдвоём полсуток едем.
Читает, взгляд тая,
Несклонная к беседе
Попутчица моя.

Состав идёт рывками,
Как будто дышит так,
И ложечка в стакане
Позвякивает в такт.

Сидит, поджав колени,
Склонив лица овал.
А за окном сирени
Неукротимый вал.

Неведомая птица
Туманностей иных,
И ничему не сбывься
Из помыслов шальных.

Нашла коса на камень
И камень не винит.
А ложечка в стакане
Звенит, звенит, звенит...

* * *

Где точит берег невысокий
Густая тёмная вода,
На струнах высохшей осоки
Скрипач играет иногда.

Смычок невидимый взлетает
В озябшей маленькой руке,
И, невесомая,
Не тает
Снежинка на его щеке.

Но услышать мотив нездешний
Не всем дано, и потому
Лишь опустелая скворешня
Внимает с берега ему.

Наивно требовать оваций,
Но даже зная, что почём,
Невыносимо оставаться
Неоценённым скрипачом.

И он задумается грустно,
Иронизируя незло,
Что лишь сочувствие — искусство,
Всё остальное — ремесло.

* * *

Вот за этой стеною
Жил с детьми и женой,
Ну а всё остальное
Лишь придумано мной.

В суете, круговерти,
В назидание вам,
Потому и не верьте
Ни делам, ни словам.

Объясняю, как судьям,
Каждый сделанный шаг:
Это не было сутью —
Только видится так.

То тюремщик, то узник
На нестрашном суде,
Так и не был я узник
Никогда и нигде.

Даже там, за стеною,
При бессонной свече
Всё придумано мною
Неизвестно зачем.

ДРУЗЬЯМ

Не уходите, друзья мои,
не уходите!
Разве не нам
предназначено солнце в зените,
Преданность женщин
со всепонимающим взглядом,
Промыслом Божиим
в пути оказавшихся рядом?

Разве не мы полюбили
до боли, до крика
Мир, где соседствуют
чертополох и гвоздика,
Где не всегда и не всем
воздают по заслугам,
Но ослепительна музыка
радуг над лугом?

Не уходите, помедлите чуть у порога,
Не возвращает ушедшего эта дорога.
Прошлое можно лишь
памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть,
к чему невозможно привыкнуть.

Только успеть бы,
свечой на ветру догорая,
Просто обняться
у самого-самого края,
У рубежа,
за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои,
не уходите!

ТОЧКА

Точка — это не конец.
Ну, куда от пауз деться?
Не петля и не свинец,
Просто повод оглядеться.

Жизнь казалась, видит Бог,
Бесконечною, как поле...
Время подвести итог,
Промежуточный, не боле.

Бросить пить, сменить режим,
Предпочесть горбушке мякоть
И над замыслом чужим
От отчаянья заплакать.

ОТТЕПЕЛЬ

К ночи сгущается воздух сырой,
Вольно и наспех прошитый капелью.
Пахнет в округе набухшей корой,
Дымом печным и оттаявшей елью.

Забуксовало зимы колесо —
Дерзко и весело царствует влага!
В зыбком тумане
Почти невесом
Звук торопливого женского шага.

Снега январского жалко до слёз...
Много ли проку в такой канители,
Если ненадолго и не всерьёз
В чаще лесной затаились метели?

Их возвращения не тороплю,
Видимо, свыкся с погодой сырою.
Утром остывшую печь затоплю,
Стол на двоих, как бывало, накрою.

Красная скатерть, хмельное вино,
Встречи на миг, остальное — разлука.
Буду смотреть в зоревое окно,
Ждать понапрасну условного стука.

Лучше б весь мир занесло, замело,
Снежная запеленала одежда...
Необъяснимо такое тепло.
Необъяснимее только надежда.

НА РЕКЕ

Застывшим Буддой,
Без движенья,
Сижу с удилицем в руке.
Уженье — это как служенье,
Причастность небу и реке.

Услышу:
Как младенец кроток,
Спокойно дышит шар земной.
Увижу:
Добрый зимородок
На ветке
Рядышком со мной.

За поплавком живым слеженье
Полезней йоги и ушу,
И вот уже без раздраженья
На суетливый мир гляжу.

МЕТРО. КОЛЬЦЕВАЯ

День и ночь грохочет кольцевая,
Не смолкая летом и зимой...
Вывози, как водится, кривая,
Если не выходит по прямой.

Каждому победы и потери
Круговерть подарит в свой черёд.
Поскорее закрывайте двери,
Проходите, граждане, вперёд!

Лезем напролом, покуда живы,
Пробиваем стены головой —
Все, без исключения, пассажиры
Хитроумной ветки кольцевой.

Узнаю затылок этот бычий,
Лысину крутую, как гора...
Никаких особенных отличий
Нету между завтра и вчера.

Жизнь в который раз идёт по кругу
И яснее ясного уже:
Надо лишь тесней прильнуть друг к другу,
Чтобы устоять на вираже.

* * *

Когда одолеют печаль и усталость,
Деньки золотые за годы сочти!
В Москве голубятников мало осталось,
В Москве голубятен не стало почти.

А было, чего уж там, кажется, проще —
Вот стаи взмывают под свист ребятни,
Плывут над Филями,
Над Марьиной Рощей.
Не плачь, дорогая, вернутся они.

Ах, дяденька строгий, за шум извините!
Наш двор проходной раскалён добела,
И дверь нараспашку,
И солнце в зените,
И белые в небе мерцают крыла.

Какое там горе,
Какая там старость
В полёте беспечном, ты это учти...
В Москве голубятников мало осталось,
В Москве голубятен не стало почти.

* * *

Сечёт по стёклам тёмная вода.
Вздремнёшь и усомнишься поневоле,
Что где-то есть большие города,
Там, за рекой,
Где чёрный лес и поле.

Но дождь пройдёт,
И капли на ветле
Горят, как бус серебряная нитка.
И весело
На сорванной петле
Качается скрипучая калитка.

* * *

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человеческой речи
Душа остывшая темна.
Побудь со мною, тишина.

Лишь на мгновение отреши
От нескончаемого бытия.
Какая музыка в тиши
От сердца суетного скрыта!
Лишь на мгновение отреши...

Судьбой добытые слова
Растают в небе легче дыма,
Поскольку жизнь неизъяснима
И в пепел обращать права
Судьбой добытые слова.

Молчат высокие леса,
Безмолвны медленные реки,
Чтобы могли мы в кои веки
Ушедших слышать голоса.
Молчат высокие леса.

Побудь со мною, тишина!
Моё проклятье и спасенье,
Раскаянье и воскресенье,
И оправданье, и вина.
Побудь со мною, тишина.

* * *

Вслед за омутом — мели,
Блики солнца на дне,
В дымке чёрные ели:
Тихий август на Цне.

Пахнет поле полынью,
В небе ястреба тень,
И последней теплыню
Наливается день.

Храма Божьего главки,
Желтизна там и тут.
Лишь старушки на лавке
Безмятежно цветут.

Чей-то слышится клёкот
За остывшей рекой...
До зимы недалёкой
Далеко-далеко.

Тихо катится солнце
За рябиновый куст,
А вода из колодца
Ледяная на вкус.

* * *

Леса одеты в рыжий мех,
В огонь, прозрачный и летучий.
Уже без солнечных прорех
Неповоротливые тучи.

Дрожат заречные огни
Живою строчкой многоточий.
Чем быстротечней гаснут дни,
Тем нескончаемее ночи.

Уснули стальные ветра,
Лишь тьма колышется сырая...
Глаз не смыкаешь до утра,
По крохам жизнь перебирая.

Неверной памяти вино
Отравит горечью бывшего
И отболевшее давно
Вдруг обожжёт до боли снова.

Встречая осень у крыльца,
Поймёшь, печальный и смущённый,
Как прост был замысел Творца.
Тобой ни в чём не воплощённый.

Всё это было так:
Вечерний снегопад
И музыка не в такт,
И речи невпопад.

Струящийся в окно
Невыразимый свет,
Забвенное вино
Необратимых лет.

И мы — к щеке щека,
И мы — рука в руке,
И впереди — века,
И — жилка на виске.

Сошедшие с ума,
Повергнутые ниц.
Два маленьких холма,
Две тени от ресниц.

Жизнь, как предсмертный крик,
Не набело, вчерне.
Ей холодно, старик,
В твоём худом челне.

Таится по углам
Кладбищенская мгла,
Но мы остались там,
Где музыка была.

Нас времени река
Несёт — рука в руке.
И впереди — века,
И — жилка на виске.

ЗВЕЗДА

Таинственную обретая силу,
Стремительно пронзая толщу лет,
Летит к земле
Её неугасимый
И всё-таки
Такой холодный свет.

Горящая бестрепетно и вольно
Немыслимые долгие века,
Она глядит на праздники
И войны,
На горести людские
Свысока.

Подвластная законам мироздания,
На перекрёстках судеб и орбит,
Она не знает чувства сострадания,
Ни боли,
Ни печали,
Ни обид.

Но отчего, когда порой гляжу я
Бессонной ночью в искристую даль,
Мне жаль её,
Холодную,
Чужую,
Как самое родное только жаль.

* * *

Полуоткрыты оконные створки:
В небо впечатана церковь на взгорке.
Дальше — полоска сугулого бора,
Ближе — сирени костёр у забора.

Мир непридуманый, мир настоящий,
Ливнем омытый,
Поющий, летящий.
Птица, растение, ветка немая
Празднуют ясную радугу мая.

Долго земля эту силу копила:
Тянутся ввысь лебеда и крапива,
Люди, деревья и церковь на взгорке...
Полуоткрыты оконные створки.

* * *

Ни тропинки, ни следа,
Травы в пояс, бор — стеною,
А под елями вода,
Вёдрышко берестяное.

Манит белое, как снег
Средь полуденного зноя...
Видно, добрый человек
Проходил передо мною.

СТАЯ

Тьма воронья в озябшей кроне,
И так шумлив гортанный хор,
Как будто птиц не стало,
Кроме
Вот этих, сбившихся на ор.

До сплетен всяческих охочи,
Томимы жаждой барыша,
Они с утра до поздней ночи
Галдят, отбросы вороша.

Не лезь в разбойничью породу,
Подальше выбери приют!
Здесь чужака не примут сроду:
Забьют, затравят, заклюют.

Здесь и своим порой несладко:
От гибели на волосок,
Когда внезапно вспыхнет схватка
За подвернувшийся кусок.

Война!
Хотя последний житель
Тут с юных лет уже учён,
Что первым делом
Победитель
Стать новой жертвой обречён.

ПОЕЗДКА

Сухие старческие плечи,
Морщин кривые колеи.
«Садитесь, это недалече.
Тут на сто вёрст кругом свои».

И мы поехали,
И плыли
За нами следом
До поры
Густые клубы рыжей пыли,
Как бесконечные миры.

Цвела июньская картошка,
Гудели в клевере шмели,
И товарняк-сороконожка
Полз, еле видимый, вдали.

Кладбища тёмная ограда
Вдруг проплыла передо мной,
Но в этом не было разлада
С наивной прелестью земной.

И долго помнилось мгновенье,
Когда в полуденной тиши
Впервые
Умиротворенье
Коснулось суетной души.

РОЩА

Вот и птицы певчие отенькали,
Стало подмораживать к утру.
Невообразимыми оттенками
Польхает роща на ветру.

С тихим звоном ветви долу клонятся
Вдоль стволов,
Отмытых добела.
Храм пресветлый,
Золотая звонница,
В поднебесье кроны — купола.

Ослепит высокое сияние
Подожжённых холодом дерев —
И душа запросит покаяния,
Запоздалой мудростью прозрев.

То стыдом,
То горечью охвачена,
Заболит, замечется она...
Видно, рано думать, что заплачено
За ошибки прошлые сполна.

ЗМЕЯ

Тёмный зев разрушенного дота,
Где на камне греется змея,
И настырный запах креозота:
Два луча — стальная колея.

Клевера наивные головки.
Времени застывшая зола.
Улетает вдаль без остановки
Поезда зелёная стрела.

Сталь гудит, натянутая туго,
Как струна от лёгкого смычка,
Но ни удивленья,
Ни испуга
В глубине змеиного зрачка.

Мир вокруг гремит, как дискотека,
И звенит, и стонет колея,
Но боится
Только человека
Молодая мудрая змея.

* * *

Лежу на диване, болею.
В озябшее вижу окно
Безлюдную к ночи аллею,
Рекламу авто и кино.

Мерцает она, раздражая,
Когда и безделье — не мёд,
И жизнь, как одежка чужая,
У самого ворота жмёт.

* * *

Обычности искус —
Обманка для разинь.
Искусство из искусств
Плетение корзин.

Угонишься навряд
За парой лёгких рук,
Когда за рядом ряд,
Когда за кругом круг.

Из гущи лозняка,
Бесформенности мглы
Вдруг станут возникать
Изгибы и углы.

Лозы текучей медь
Обречена пленять.
О, мне бы так уметь
Слова соединять!

СЛОВО

Возница, палица, подпруга,
Аршин, ярыга, бука, ряж...
Слова, как люди, сходят с круга,
Ветшая,
Выходя в тираж.

Живое с уст не сходит слово.
Но срок наступит, и оно,
Мертво для доброго и злого,
В миру окажется равно.

Ещё вчера вело и грело,
Родило город и село,
А вот, поди ж ты, устарело,
Музейный статус обрело.

Мертво для споров и оценок,
Для откровений и суда,
Как будто в радуге оттенков
Теперь утрачен навсегда.

ЖЕЛАНИЕ

Солнца медленное кружение,
Свет последний неугасим.
Это время самосожжения
Клёнов, ясеней и осин.

Ни безверия, ни распада...
Так бы встретить суметь и мне
Время грустное листопада,
Остывающий свет в окне.

Не юродствуя,
Не озлобясь.
Камень ближнему не тая,
Чтобы раньше на миг, чем совесть,
С белым светом расстался я.

* * *

Уходя подобру-поздорову,
Обожгусь, задувая свечу...
К твоему ненадёжному крову
Ни за что привыкать не хочу.
Есть резон у такого итога:
Безнадёжна любовь-инвалид.
Отчего же не место ожога —
Всё простившее сердце болит?

* * *

Давно забытая отрада —
От счастья голову терять,
Но девичьего винограда
Так дерзко пламенеет прядь!

Так воздух утренний разрежен
И удивителен на вкус,
И, облетевший, не заснежен
Вдали черёмуховый куст.

Пускай седыми холодами
Грозит недалняя зима,
Пускай не видимся годами
С той, что свела меня с ума.

Но иногда приходят снами —
Её лицо, улыбка, речь...
И очарованная память
Уже дороже новых встреч.

* * *

Не знаю, как любовь кончается.
Быть может, над землёю тленной,
Как струйка дыма, истончается,
Чтобы остаться во Вселенной.

А может, нищенкой на паперти —
Ни мёртвая и ни живая,
За медяками нашей памяти
Стоит, лица не открывая.

Неизгладима и невенчана,
Забвенна и неотторжима...
Прости, что музыка не вечная
Нас на путях земных кружила.

Ведь так бывает, так случается:
Вдруг разминулись бестолково...
Не знаю, как любовь кончается.
Со мною не было такого.

ВЫСТРЕЛ

Уповая на чудо,
Отпустил тетиву.
В никуда ниоткуда,
Наугад,
В синеву.

И пошёл за стрелою
Через поле и рвы.
Лишь лихое да злое
Повстречалось, увы.

В никуда ниоткуда
Проутюжил стерню.
Молодецкую удаль
Загубил на корню.

Заблудился не первым
В дикой чаще лесной:
Ни лягушки-царевны,
Ни стрелы запасной.

Вот наука невежде...
Хватит ваньку валять!
Надо целиться прежде,
А потом уж стрелять.

* * *

Вот мальчик.
Влюблѐн и наивен.
Охотник, дитя, дуралей.
Вот женщина.
Лето и ливень,
И чувственный сумрак аллей.

Наверное, это случится
И душу отравит, как яд.
Зовѐт, ускользает, лучится
Еѐ понимающий взгляд.

Так следуй, мальчишка отважный,
Ознобному гулу кровей!
...Как волосы пахнут
На влажной,
Дождями омытой траве.

О, женщина!
Автор и зритель
Спектакля, что создан шутя.
Пусть думает: он — победитель!
Охотник наивный,
Дитя.

СОЛОВЕЙ

Сколько их под этой звёздной сферой —
То правее трели, то левей...
Говорят, он маленький
И серый,
В зарослях поющий соловей.

В темноте почти бессильно зренье,
Но глубок и осязаем звук.
Ни к чему цветное оперенье
Этой песне воли и разлук.

Ничего не знаю совершенней.
Слушаю — живую воду пью!
Никаких особых украшений
Русскому не надо соловью.

* * *

Всего не постигнуть умом
И не надо:
Есть тайна в предутреннем шелесте сада,
В гуденье недавно растопленной печки,
В несвязном журчанье мелеющей речки.

Как сладко услышать среди тысяч созвучий
Таинственный зов пламенеющей тучи
И шум поднебесный угрюмого бора
Раскатами неисчислимого хора!

Душе ведь не нужно особой науки —
Ловить на лету эти ритмы и звуки,
Мелодии, жалобы, вздохи и пенье,
В которых сливаются страсть и терпенье.

Неявную весть о былом и грядущем
Навеют дорога и поле, и пуща.
Не всё и всегда уловимо для слуха,
Но сердце стократно надёжнее уха.

* * *

Речки заросшее узкое русло,
Непроницаемый сумрак дерев.
Что ж вы молчите и смотрите грустно,
Щёку ладонью легко подперев?

Где-то кричит одинокая птица,
Рыба играет и вьётся выюнок,
Всё впереди — и простить,
И проститься.
Всё позади — и вина, и вино.

Знаю, победа сродни пораженью,
Зыбок над временем наш перевес.
Белые лилии льнут к отраженью
Немолодых предзакатных небес.

Краток роман, оттого и не скучен,
Скоро забудутся год и число.
Только вот лодка со скрипом уключин,
Вечер
И в золоте капель весло...

* * *

Сначала полем
до речной излучи,
Где лунный свет
восходит из глубин.
Как август щедр
на запахи и звуки,
На красный цвет
осинок и рябин!

Ещё тепло
и птичий посвист нежен,
И жизнь кипит
В любом из уголков,
Но спелый воздух
вымыт и процежен
Сквозь марлю
загустевших облаков.

Антоновкой пропахшая
и сеном,
Округа дремлет,
вечностью дыша,
Но исподволь готовы
к переменам
созревшие
Природа и душа.

* * *

Был вечер сер и тих,
Вдруг вспыхивает свет
На самый краткий миг,
Но остаётся след.

Как память о тепле,
Что берегут вдвоём,
След капли на стекле
И на лице твоём.

Как зыбок этот мир!
И как непрочен след!
Но, вспыхнувший на миг,
Не угасает свет...

* * *

И дым черёмух у крыльца,
И этот ливень с чёрной тучей
Недолговечны, как пыльца
На крыльях бабочки летучей.

Но встал и замер у стены,
Когда явились вдруг,
Нерезки,
Твои глаза
Из глубины
Полуосыпавшейся фрески.

* * *

Рябины стынущий рубин
Под вьюгой нервнойю...
Я эту женщину любил.
Любил, наверное.

Своим теплом отогревал
В беде без робости,
И целовал,
И предавал
У самой пропасти.

У той немислимой черты,
Во тьме скрываемой,
Нерасторжимостью четы
Одолеваемой.

Я эту женщину любил.
Любил, наверное.
Недаром ангел вострубил
В конце над скверною.

Душа, остывшая до дна,
Прими отмщение!
Но казнь всегда была одна —
Её прощение.

* * *

Небеса набухшей парусиною
Тянут лето красное на дно.
Залетело пёрышко гусиное
В полуотворённое окно.

Прошлое связав и настоящее,
Отлучив на миг от суеты —
Лёгкое, весёлое, манящее
Несказанным светом высоты.

От неё отвык я, как и водится —
Человек обычный, во плоти.
Ветер набежит,
И распогодится:
Поднимайся, пёрышко, лети!

Ах, душа, омытая печаями,
Что ж ты полюбила гладь да тишь?
В свой черёд
За дальними причалами
Пёрышком по небу полетишь.

Время будто надвое расколется,
Но, не ошибаясь и во тьме,
Проплывёшь над милою околицей,
Над церквушкой тихой на холме.

Над остывшим полем, над Россиею.
Надо всем, что в жизни нам дано...
Залетело пёрышко гусиное
В полуотворённое окно.

* * *

Разве слово о малости,
Если стала тоской
Ностальгия по жалости
Бескорыстной людской?

Той, в фуфаечке ношеной,
Что встречалась в пути,
Необидной,
Непрошенной,
Незаметной почти.

«Не беда, перемелется,
Это слёзы не те...»
Так безудержно верится
Лишь одной доброте.

На Руси и при голоде
Не пропасть на миру,
Отчего ж это в городе
Пусто, как на юру?

Отчего наваждение
Не избыть до конца —
Холод и отчуждение
Дорогого лица?

Где отыщешь виновного
В том, что живы едва
Узы единокровного
И иного родства?

* * *

Для горечи немало оснований:
Болезнь, обман, неотданный должок...
О, бесконечных разочарований
Жестокий и завистливый божок!

Уныния смертельная отрава
Отраднa и по-своему сладка,
Когда едва забрезжившая слава
Украдена, как булочка с лотка.

Есть женщина, которая из плена
Отчаянья
Несла со мною кладь...
Но где любовь, а где её подмена —
Уже и самому не разобрать.

Пусть замедляет времени пороша
Казавшиеся главными дела.
Несбывшегося тягостная ноша,
В конце концов, не так и тяжела.

И я, как все, взлетал и разбивался,
И мне утраты остужали пыл.
Кто в жизни вдрызг не разочаровался,
Тот эту жизнь взахлёб и не любил.

* * *

Бесчисленных встреч и прощаний
Мне был по душе карнавал,
Но, кажется, я обещаний
Тогда никому не давал.

А память по давнему следу
Ведёт сквозь глухие дожди:
«Вернусь... Не забуду... Приеду...
Ты только, пожалуйста, жди!»

Когда это было на свете?
В какой сумасшедшей весне?
Той девочкой в синем берете
Зачем ты приходишь во сне?

Нас так помотало по свету —
Случалось большее грешить.
Зачем же историю эту
Почти у черты ворошить?

Судьбы не изменит прощенье.
К чему мне сегодня оно?
Но горькое это смущенье
Уже до конца суждено.

* * *

Какая долгая зима!
Луны лучина...
Давно я понял:
Свет и тьма
Неразлучимы.

Не зря струится белый снег
Из мглы кромешной,
Когда бредёт,
Не видя вех,
В метели пеший.

Да я и сам блуждал в ночи,
Ведомый роком,
Пока не вымолил свечи
В окне далёком.

Среди бесчисленных огней
Живётся проще,
А я с тех пор иду за ней
Почти на ощупь.

Дорога к истине крива,
Черно над нею.
Свеча горит едва-едва,
Но с ней виднее.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Тропинка вывела кривая,
Как бы сама собой,
Туда,
Где дремлет добрая,
Живая,
Незамутнённая вода.

Где всё исполнено значенья,
Как в мудрой речи стариков,
И так загадочно
Свечение
Студёных донных родников.

Неразличимы глазу все,
Как утром пасмурным дымы,
Восходят солнечные струи
Из непреодолимой тьмы.

Лучей причудливы изломы,
И там, где чуть редет мгла,
Сияют древние шеломы
И золотые купола.

Мерцают огненные блики
На тёмном движущемся дне,
И тайны их
Равновелики
Непостижимой глубине.

* * *

Хорошо быть дающим
труднее просящим.
Вот бы жить научиться
с душою в ладу!
Собираю грибы
под дождём морозящим,
Словно рыжее солнце
в корзину кладу.

Хорошо полюбить
и уже не расстаться
До конца, до предела
пути и судьбы.
Сколько будет ещё
эта книга листаться?
Я не знаю...
Хожу, собираю грибы.

От земли до небес
перелески да чащи,
Огнеликих рябин
верстовые столбы.
Что на свете ещё
горше жизни и слаще?
Я не знаю...
Хожу, собираю грибы.

* * *

Какое счастье пёрышком скрипеть!
Переводить лиловые чернила.
Описывая то, что учинила
Над нами жизнь,
Её перетерпеть.

За веком не стремиться поспешать,
Земные сроки меряя чинами.
Какое счастье
Медленно ветшать,
Как шуба, позабытая в чулане.

Всё проиграть,
Но партию спасти.
Пройти в ферзи, изображая пешку.
Чтобы шутя триумф перевести
В пародию, иллюзию, насмешку.

* * *

Подошёл, похлопал по плечу.
Что-то говорит, а я молчу.
Надо научиться — что скрывать? —
Старые обиды забывать.
Предал друг?
Ну что же — век такой.
Не кляни,
забудь,
махни рукой.
...Подошёл, похлопал по плечу.
Что-то говорит, а я молчу.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Летит, прогнозами нечаемый,
Из галактических прорех
Неосмотрительно отчаянный
И обречённо поздний снег.

Над городами и над пашнями
Уже весенними вполне.
И эта дерзость бесшабашная,
Необъяснимая,
По мне.

По мне,
Поскольку откровения
Невыносимо серых дней
Не стоят одного мгновения
Полёта к гибели своей.

* * *

Всё в душе отзовётся:
И ливень, и пекло, и вьюга,
И безмолвие туч,
Что плывут голова к голове...
Но прекраснее нет
Безмятежно цветущего луга
С огоньками вразбег
Земляники в поющей траве.

* * *

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане
На стремнине.

Стоял июнь,
Цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.

Мир превращений и метаморфоз
Слепил, да так — мороз бежал по коже.
Но голубые крылышки стрекоз
Мне всех чудес невысказанных дороже.

Жизнь, как река —
Внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там,
У тихого костра,
Среди земли,
Как будто в колыбели.

СМЕРТЬ ПАСТУХА

На свете всё по Божьей воле,
А наши чаянья — труха...
На Спас медовый
В чистом поле
В грозу
Убило пастуха.
Как в той игре — орёл иль решка —
Вдруг обозначена черта.
Таилась смутная усмешка
В углах обугленного рта.
Едва початая бутылка
Торчала из пустой сумы,
Трава чернела у затылка,
А он глядел уже из тьмы.
И не в тоске, и не в обиде,
Вперёд, а не по сторонам,
Как будто чувствуя
И видя ещё неведомое нам.
Потом расслабленной походкой
Шли в дом,
Где споро на комод
Поставлен был налитый водкой
Стакан и чёрного ломоть.
Запахло в горнице свечами,
Покойник высился в гробу,
И шепотком односельчане
Корили мачеху-удьбу.
Старухи выли, распаляясь,
И только призванный к Творцу
Лежал,
Ничуть не удивляясь
Такому странному концу.

* * *

Видит Бог: я разлюбил дорогу
До того, что привязалась блажь —
Вызывает смутную тревогу
За окном изменчивый пейзаж.

Колеса до головокруженья,
Озирая мельком белый свет,
Узнаёшь иллюзию движенья
Под названьем «суета сует».

Никуда из поезда не деться,
Но под стук и лязганье колёс
На ходу в глаза не наглядеться,
Никого не полюбить до слёз.

Не желаю встреч и расставаний,
Суматохи,
Криков «гой еси!».
Буду ездить только на диване,
По ночам,
Вокруг земной оси.

* * *

Ты уже не боишься своей наготы,
Как речная вода
И лесные цветы.

Кто тебя надоумил
В одежде и без
Нисходить, точно ангел
С незримых небес?

Я давно убеждён:
Этот крохотный шрам —
Знак причастности
К непостижимым мирам.

Эта родинка —
Полная власть надо мной,
Я давно растворился
В тебе, неземной.

Кто придумал
Укутывать женщин в меха?
Для влюбленного нет
Ни стыда, ни греха.

Ты уже не боишься
Своей наготы,
Как речная вода
И лесные цветы.

* * *

Холодный ум небескорыстен,
Лукавы речи мудреца —
Лишь чистота банальных истин
С тобой пребудет до конца.

Иди, лети по белу свету,
Свергая идолов, юнец!
Они найдут тебя по следу,
Как предназначенный свинец.

Блажи, кликушествуй, юродствуй —
Во тьме,
В беспамятной ночи,
Банальных истин благородство —
Как пламя ясное свечи.

Наивны, искренни, избиты —
Из дальних лет,
Из детских снов,
Корявой жизнью не избыты —
Они основа из основ.

В их непреложности чугунной
Соединились до конца
Языческая дерзость гунна
И озарение Творца.

ТЬМА

Ночь дышит сыростью озёрной.
Едва заметные в воде
Желтеют звёзды, словно зёрна
В парной и зыбкой борозде.

Мерцай, таинственная влага,
Отталкивая и маня!
Нам ночь дарована как благо
За суету и злобу дня.

Не оттого ль бессильно зренье,
Что тьма сама собой уже
Есть и намёк,
И озаренье
О предстоящем рубеже?

* * *

Каждому дан этот выбор,
Как и в начале начал:
Либо с Учителем,
Либо...
Трижды петух прокричал.

* * *

Какие сиротские зимы!
Унылая слякоть с утра.
По хлябям невообразимым
Кочуют сырые ветра.

Есть время сугробов и грядок,
Но скажет вам ныне любой:
И этот извечный порядок
Даёт непредвиденный сбой.

Погода турысы городит,
Кривляется всем напоказ.
Ах, что-то неладно в природе!
А может быть, всё-таки в нас?

* * *

Как спящая женщина, дышит вода,
И свет перламутровый брезжит.
Однажды истлеют мои невода
На тёплом песке побережья.

Костёр, согревавший так долго во мгле,
К утру равнодушно остынет.
Душа, прикипевшая к этой земле,
Её неизбежно покинет.

Струится поющий камыш у лица,
И манит куда-то протока —
Другому удача
И зверь на ловца,
Но тоже до срока,
До срока.

За лодкой легко разойдутся круги,
Растают в тумане белёсом
Мерцание лилий и запах куги,
И зыбкое зеркало плёса.

Предутренный луч и заката кайма...
Спасибо, что был я на свете.
На свете, который меня не поймал
В свои золотистые сети.

* * *

Сырая ночь хмельнее браги,
А за околицей села
Опять черёмуха в овраге
Белым-бела, белым-бела.

А ведь была весна иная
Среди моих житейских вех:
Цветёт черёмуха шальная,
Метёт в лицо душистый снег.

Косынка падает на плечи,
И поцелуи без конца,
И звёзд мерцающие свечи
Почти у самого лица.

О, эта юность,
Одержимость,
Где всё захлёт и нарасхват!
А если что-то не сложилось,
Так это сам я виноват.

Твоё письмо — листок бумаги
На самом краешке стола...
Опять черёмуха в овраге
Белым-бела, белым-бела.

* * *

Ледяная прозрачна заря.
В поле рыскает ветер-повеса.
Чёрно-белый пейзаж января:
Снег да кромка елового леса.

Сеет с тихого неба крупа,
Чёрно-белая дремлет сорока.
Как природа на краски скупа!
Как она бережлива до срока!

Так терпи, хоть узлом завяжись —
Ученик, подмастерье, подпасок.
Хороша чёрно-белая жизнь
В нестерпимом сиянии красок.

* * *

На Родине моей лежат снега —
Небесной жатвы светлая полова,
И роща так прозрачна
И нага,
Как Господом дарованное слово.

ВОСПОМИНАНИЕ

В день, когда глазам бело до рези
И струится холод голубой,
Хорошо в дороге дальней грезить
Светлой и натопленной избой.

Все иные радости — пустое;
Если вдруг задремлешь невзначай,
Снится только самое простое:
Печка раскалённая да чай.

А потом, намёрзшемуся вволю,
Долго будет видеться в ночи
Белое заснеженное поле
И следов холодные лучи.

* * *

Плачет окно —
отпотело,
Каплет слезой ледяной,
Словно зима захотела
Так вот проститься со мной.

Снова, как будто впервые,
Грежу о скором тепле.
Нежные и неживые
Тают цветы на стекле.

Ныне малиновым эхом
Слуха коснётся едва:
Под умирающим снегом
Дышит живая трава.

* * *

Всё это длилось только миг,
Самой судьбы благословенье:
Рук нестыдливых,
Рук твоих
Летящее прикосновенье.

И бирюзовый перстенёк,
И холод узкого запястья,
Как предвкушенье,
Как намёк —
Билетик, вынутый на счастье.

Благодарю, а не виню
За это мнимое сближенье,
За то, что я шагнул к огню,
За дерзость,
За самосожженье.

Благодарю, что было мне —
Или почудилось? — мгновенье:
Рук обжигающих
Во сне
Случайное прикосновенье.

* * *

Как этот палисадник одичал
За столько лет!
И — время виновато —
Я в зарослях уже не замечал
Цветов, тобой посаженных когда-то.

Под небом равнодушным и нагим
Ни астр,
Ни легкомысленных анюток,
Но ведь и я пришёл сюда другим,
И век другой,
И даже время суток.

Да здравствуют лопух и лебеда
Взамен цветов!
Лишь оттого досада,
Что девичьего узкого следа
Не отыскать в угрюмых кущах сада.

* * *

Словно солнца весёлые слитки,
Накануне осенней поры —
Золотые шары у калитки,
У крыльца золотые шары.

За горами ещё,
За долами
Снеговой, заметающий след.
Я люблю это жёлтое пламя,
Угасающий трепетный свет.

Межсезонья штрихи и детали,
Остывающий полог небес.
Всё яснее заречные дали,
Всё безмолвнее поле и лес.

Буду слушать — такая удача! —
Отходя безмятежно ко сну,
На вчера ещё суетных дачах
Неземную почти тишину.

Всюду радости этой приметы,
Как грядущего чуда ростки.
...У крыльца лепестки золотые,
У калитки твоей лепестки.

* * *

Музыка,
Тобой не надыхаться!
Торжествуйте, медь и серебро,
Чтоб могли нечаянно свершаться
Вечные надежды на добро.

Мудрая,
Звучи не угасая,
Дай тобой напраздноваться всласть!
Может, это девочка босая
В дальнем далеке отозвалась.

Может, снова стать случилось юным
Под зелёным пологом лесным,
Где поют, как солнечные струны,
Ветви заскорузлые сосны.

Где ничем ещё не запорошено
Озаренье юношеских грёз.
Потому и музыка хорошая
Неизменно трогает до слёз.

* * *

Вот голова седа,
И — без предупрежденья —
Ранние холода,
Поздние заблужденья.

Музыка за стеной —
Грозное, роковое.
В комнате ледяной,
В мире бессонном
Двое.

Сумерки или свет?
Явь ты или виденье?
Несовпадение лет,
Жизней несопаденье.

Музыка. Дом. Звезда.
Нежность и отчужденье.
Ранние холода,
Поздние заблужденья.

ПРИБАВЛЕНИЕ ДНЯ

Вовсю метель гудит ночами,
И неприметен к лету сдвиг,
Да мы и дней не замечаем,
Не то что краткий этот миг.

Но кто-то угли теплит в горне
И отнимает миг у тьмы,
И под землёю слышат корни
Всё то, чего не слышим мы.

В ЛЕСУ

Где-то возится сойка —
Зелёного дома жилица!
Зазывает, хлопочет,
хозяйкой шумит у стола,
А умолкнет — и слышно:
В полуденной дрёме живица
Оплывает слезой
по щеке векового ствола.

И захочется вдруг
Сострадания или прощенья,
И себе самому
не покажешься в этом нелеп.
И нахлынет печаль,
Неожиданно, как очищенье,
Потому что душа
не заложенный наглухо склеп.

Никуда не спеши —
Скоро всё возвратится на круги,
Где зеркал дорогих нам
привычна уже кривизна,
Ведь не зря над тобой,
Распластав обнажённые руки,
Как над малым ребёнком,
Столетняя плачет сосна.

Тихий дождик грибной
В поседелой запутался кроне,
Любопытные травы, как дети,
встают на носки...
Всё быльём порастёт,
Всё на свете забудется,
Кроме
Этой радости краткой
И этой случайной тоски.

* * *

Мерцанье прилива-отлива,
Качелей безумный полёт.
Как всё-таки жизнь прихотлива:
То зной нестерпимый, то лёд!

То вдруг полуночная дева
Чужая
Пьянит без вина.
За это неправое дело
Однажды ответчу сполна.

Но, грешник и бабий угодник,
Целую, пока не погиб,
Жнивья золотой треугольник,
Бедрa молодого изгиб.

* * *

Жизнь не так и плоха,
Лишь терпенья чуток:
Есть на свете ольха,
А под ней омуток.
Там и небо синей,
И шелковой трава,
А в речной глубине —
Золотая плотва.
Там вода, как слеза,
А вдали — островок...
Шевелит стрекоза
Голубой поплавок.
Ни тиха, ни быстра,
Что-то шепчет река.
Лишь дымок от костра
Нынче горек слегка.
Чёрный ворон во тьму
Прогорланит: «Ты где?»
Не отвечу ему.
Не поверю тебе.

* * *

Утренним лугом бегу —
Маленький.
Светлоголовый.
Цапля на отмели ждёт...
Никогда я не стану счастливей!

* * *

Мальчонка спит в зелёной зыбке
Травы,
Устав от шумных игр.
Темнеют крохотные цыпки
На загорелой коже икр.

Так сладок сон его летучий,
Что поутихли ковыли
И ходят молнии и тучи
Почти на цыпочках вдали.

* * *

Индевеют лодки на приколе.
Гол и светел краснотала куст.
За рекою конь в остывшем поле
Чутко осень пробует на вкус.

Он травы касается губами,
И в глазах от жёлтого рябит.
Стылый ветер, пахнувший грибами,
Как ребёнок, гриву тербит.

Вестниками скорого мороза
Листья вдаль уносятся, шурша.
Мужики стоят у перевоза
И в молчанье курят не спеша.

В час, когда на белом свете сиро,
Мучит тайна каждого своя:
Одного — непостижимость мира,
А другого — краткость бытия.

* * *

Я по земле ходил
Окрылён,
Счастливы был милых волос касаться.
Даже не думал, что королём
Голым
Придётся вдруг оказаться.

В лодке давно появилась течь,
Но, торопливо бывшее скомкав,
Не удалось ни огня зажечь,
Ни очага сложить из обломков.

Много ли стоит любовный пыл,
Ведь у любимой — иная мерка?
Может быть, всё-таки праздник был,
Только без грохота фейерверка?

Трудно глупее придумать роль —
Душу оправдывать златоусто.
Пьеса окончена.
Гол король.
Пусто.

РЕМЕСЛО

Дед шёл работать спозаранок,
Я звуки помню до сих пор:
В его ладонях пел рубанок
И чудеса творил топор.

Вилась затейливая стружка
Неутомимо с верстака,
И золотая,
Как игрушка,
Звенела гладкая доска.

А я, не думая о славе,
Катаю слово, как бревно:
Чем узловатей
И корявей,
Тем восхитительней оно!

* * *

В каком году?
В каком краю?
«Вот Бог, а вот порог...»
Я жалость вечную твою
Перенести не смог.

Пусть лучше ненависти мгла,
Горячая, как плеть.
И вот живу,
А то б могла
До смерти зажалеть.

* * *

И в луже — голову нагни —
Горят небесные огни,
Но с теми, если честно,
Они — как ров и бездна.

* * *

На исходе сентября,
На краю,
На переломе
Жизнь иная, и не зря
Тишина такая в доме.

За окошком всё грустней,
Всё труднее ладить с бытом,
Но минувшее ясней
В этом воздухе промытом.

Дождик лекарем за мной
Ходит в сереньком халате...
Все ошибки
До одной
Вдруг припомнятся нехстати.

От рожденья до креста
Что ж носить вериги эти?
Надо с белого листа
Попытаться жить на свете.

Только где вести межу,
Ведь душа всего касалась,
Если тем и дорожу,
Что несостоящим казалось.

Паутины тонкой нить
Прочит скорую дорогу...
Ничего не изменить
В том, что было,
Слава Богу!

* * *

Дождик шепчет, ветер колобродит,
Гром гремит, ревмя ревьёт волна...
Музыка живёт в самой природе,
Потому и вечная она.

Не нужны ни клавиши, ни струны
Там, где преломляясь и дробясь,
Из глубин восходят, словно луны,
Робкий лещ,
Золотобокий язь.

Луг звенит.
Над синей гладью плёса
Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосо,
Как награда — абсолютный слух.

Без конца, в мажоре ли, в миноре,
Слушать эту музыку могу
В самой лучшей из консерваторий —
На речном покатом берегу.

ПОЖАР В СТЕПИ

О, этот ужас древний в норах,
Лишь дым почудится едва!
Весной в степи горит как порох
Сухая мёртвая трава.

Клокочет пляска огневая —
Осатаневший карнавал!
За пядью пядь одолевая,
Всё ближе, ближе красный вал.

Всепожигающее пламя
Гудит и стонет у земли,
Где с обожжёнными крылами
Взлететь пытаются шмели.

Где обезумевшие змеи
Тугим свиваются узлом
И в наготе лежит,
Немея,
Равнина,
Чёрная, как зло.

КАЛИТКА

Её толкали порознь и гурьбой,
Сколоченную на живую нитку,
Окрашенную краской голубой
Скрипучую садовую калитку.
Была жара.
У самого окна
Томилась вишни трепетная ветка.
Я вечность ждал,
Когда придёт она —
Насмешливая девочка-соседка.

Вдвоём летели на реку с утра.
Домой порою прибегали к ночи...
Как память прихотлива
И мудра:
Нам возвращает только то, что хочет.
И вдруг плывёшь неведомо куда,
Минувшего завалы разгребая.
А вспомнилась, по сути, ерунда —
В июльский сад калитка голубая.

* * *

Май на дворе —
С теплом не разминуться.
В округе время грабель и лопат.
Сад зацветёт,
Но холода вернутся —
Нечаянно, некстати, невпопад.
И вот уже не вырваться из плена
Зорь ледяных,
Колблемых теней.
Живых цветов мерцающая пена
Сгорит дотла
И ляжет у корней.
Ну а тепло — оно вернётся скоро,
На свете белом это не впервой,
Недаром сад
Без гнева и укора
Шумит едва разбуженной листвой.

* * *

Что пройдёт, то будет мило.
Вот и мне тепло в снегах
От следов речного ила
На рыбацких сапогах.

Скоро кончится зимовка,
И важнее, чем жена,
Вновь окажется штормовка,
Что на локте прожжена.

Ожиданием измучен,
Целый день бродить готов
У распахнутых излучин,
У заветных омутов.

Хорошо, что есть разлука,
Что накоплены долги...
Берегись, карась и щука!
Надеваю сапоги.

* * *

Метель в Москве —
Какое чудо!
Среди машин и галдежа
Летит, как будто ниоткуда,
Снег, над бульварами кружа.

И чудится: идёт сраженьё
Добра и зла
В крошечной мгле,
Чтобы к утру
Преображеньё
Нам просияло на Земле.

Интерьер курортного романа:
Шум прибора, музыка, вино.
В этот раз всё было без обмана,
Да и обмануться мудрено.

Он — седой, она — немолодая,
Ну а всё же пара — хоть куда!
Танго аргентинское, рыдая,
Их и познакомило тогда.

«Знаешь, я ведь точно не подарок». —
«Да и ты намаешься, друг мой».
Был роман стремителен и ярок
И красив, как радуга зимой.

Показалось — всё не понарошку,
И судьба, немислима добра,
Им дарила лунную дорожку
Чистого литого серебра.

Плавали на белом теплоходе,
Но текло их время к рубежу...
Знаю, что финал неизбежен,
А какой — пожалуй, не скажу.

* * *

Вышел небритый,
В затёртом трико...
Господи, как расставаться легко!
В несовпаденье судеб и орбит
Нажито два чемодана обид.
Два чемодана бессмертных грехов:
Слёз и объятий,
Измен и стихов.
Свалены в кучу любовь и вина.
Этомухламу копейка цена.

Дверь на прощание хлопнет, как плеть.
Не о чем, не о чем в прошлом жалеть!
Только вот в доме другом
У окна
Что-то некстати припомнит она.
И затоскует впервые всерьёз
О чемоданах объятий и слёз.
Несовпаденьях и муке разлук,
Пламени истосковавшихся рук.
Как это всё далеко-далеко!
...Вышел небритый,
В затёртом трико.

НЕЗНАКОМКА

Как волосы льняные льются!
В толпе,
Подобная свече,
Мелькнёт...
Захочешь оглянуться
И вдруг подумаешь: «Зачем?»

Жизнь всё быстрее летит с откоса
И, видно, пройден перевал,
Ведь раньше
Этого вопроса
Я никогда не задавал.

1 ЯНВАРЯ

Город спит в морозной дымке,
Будто замер до поры.
Как на пожелтевшем снимке,
Дремлют тихие дворы.

Остановки и перроны
В этот ранний час пусты.
Спят горластые вороны
И драчливые коты.

Лишь зима легко и кстати,
Как хозяйка у стола,
Второпях меняет скатерть,
Чтобы белою была.

РЕБЁНОК

Глядит застенчиво и мило,
Не отрицая ничего,
Ведь всё несовершенство мира —
Покуда тайна для него.

Есть лужа в зарослях осоки,
Лес и дорога, и река —
Весь этот мир,
Такой высокий,
Такой неузнанный
Пока.

Вот гуси плещутся в корыте,
Вот лёгкий шарик голубой...
О, жажда вечная открытий,
Уже любимая тобой!

Она заставит огорчаться
В начале жизни
И в конце,
Чтобы могли обозначаться
Следы раздумий на лице.

ОДУВАНЧИК

Где тихая роща кончается
И звёзды ночуют в реке,
Стоит одуванчик,
Качается
На тонкой зелёной ноге.

Прощаются люди,
Встречаются,
Стихают шаги за окном...
Стоит одуванчик,
Качается
На маленьком шаре земном.

А в жизни чего ни случается?
Обида —
И хлопнула дверь.
Стоит одуванчик,
Качается
Над горечью наших потерь.

Как просто на свете отчаяться!
Но светлой надежде внемли —
Пока одуванчик
Качается
На тёплой ладони земли.

ГАРЬ

Корни чёрные в чёрном суглинке —
Воспалённые вены земли.
Ни ростка,
Ни цветка,
Ни былинки
Под ногой, утонувшей в пыли.

Где подлесок кудрявился юный,
Дуб вздымался, как воин и страж,
Нынче полуобугленный,
Лунный,
Угнетающий душу пейзаж.

Бесконечные тучи нависли
Над землёю, что обожжена:
Как лицо человечье без мысли,
И страшна,
И нелепа она.

ДВА БОКАЛА

Матовый, как будто вполнакала,
Зимний день растает за окном.
Ты на стол поставишь два бокала
С терпким настоявшимся вином.

По глотку,
До головокруженья,
Посреди вселенской пустоты
Будем пить за наше поражение,
Словно за удачу,
Я и ты.

Звон хрустальный тает моментально,
Нет ни капли истины в вине.
Всё равно ты остаёшься тайной,
Так и не разгаданной вполне.

Безоглядной нежностью сражая,
В миг, когда из горла рвётся стон,
Близкая
И всё-таки чужая
Скоро позабудешься, как сон.

Как вот это солнце вполнакала
В зимнем неоттаявшем окне,
Как вино из тёмного бокала,
Душу отравляющее мне.

ОДА ВТОРОМУ ДЫХАНИЮ

Само по себе не приходит
второе дыханье:
Есть некий рубеж —
Ты его непременно возьми,
Почти неприметный,
Как в полдень травы колыханье,
Как сумерки летние
где-нибудь после восьми.

Когда, обессилев,
подумаешь мельком о сдаче,
О том, что по горло
всей этою сыт маетой,
Ты вспомни о нём,
Неизменно ведущем к удаче,
О том рубеже
за стремительной белой чертой.

Ещё напряженье на грани
возможного риска,
Уже назревает
в неравной борьбе перелом.
О, этот рубеж,
Он сегодня особенно близко!
Второе дыханье
тебя задевает крылом.

И пусть, как всегда,
не хватило единого мига,
Сумей удержаться
хотя бы на самом краю!
К себе самому недоверие мучит,
как иго,
Но ты победил
эту вечную муку свою.

* * *

Март, напоминающий февраль, —
Оборотень, увалень и враль.
Семь погод в душе
И на дворе,
Всё равно я рад такой поре.

Кругит, веет, замечает след,
Но уже оттаивает свет.
Вот и ты — то оттепель,
То снег —
Всё равно родней и лучше всех.

БАБОЧКА ЛИМОННИЦА

Ещё в овраге снежная
Окалина лежит,
А сверху
Безмятежная
Лимонница кружит.

Не стоит церемониться
С остатками зимы...
Лети, лети, лимонница
На белый свет из тьмы!

Воздушное творение —
Круженье, взмах, виток,
И дивное парение
С травинки на цветок.

Порхай, неутомная,
У самого лица.
Пока свежа лимонная
На крыльшках пыльца!

* * *

Густеет синь от края и до края,
Пыль оседает в поле за бугром,
И никнет ветер, в травах замирая,
А в недрах неба созревает гром.

Стоят леса, от зноя изнывая,
Как будто птиц навеки лишены.
О, как она хрупка —
Предгрозовая,
Последняя
Минута тишины.

ПРЕДЗИМЬЕ

Как согревает свет предзимних дней!
В нём боли нет — прощанье и прощенье,
Неясное пока предощущенье
Утраты скорой,
Горечи о ней.

Вдруг подступает к сердцу твоему
Какая-то неведомая сила,
И хочется остаться одному,
И одиночество невыносимо.

* * *

Так это в памяти осталось:
Промытый яблоневый сад,
Где ты, счастливая, смеялась,
Откинув голову назад.

Лучи гирляндами висели,
Гроза брела издалека.
Цветные, словно карусели,
Кружили в небе облака.

А в бане ветхим был порожек.
Я помню всё до мелочей:
На платье розовый горошек,
Волос взволнованный ручей.

Страх до беспамятства вначале
И ослепенье это вдруг...
И как потом с тобой молчали,
Уже не разнимая рук.

НОЧНОЕ

Набухает ночь, как вена,
Зыбью влажной синевы.
Бродят кони
По колено
В синем шелесте травы.

Звуки сдержанней и глуше...
Упади в траву лицом —
До глубин волнует душу
Запах мяты с чабрецом.

Не солгать, не оступиться,
Не согнуться, коль беда...
Как подстреленная птица,
В травы падает звезда.

Небосвод высок и вечен,
И навеки на земле
Эти травы,
Этот вечер,
Эти кони в полумгле.

ГЛУБИНА

У каждого детства бывает река.
Вначале, как небо, она глубока.
Но мы вырастаем, взрослеем — и вот,
Где прежде был омут, там светится брод.

Уедем.
Нахлынут другие дела.
Забудем, какой наша речка была.
Но то, что уходит, с годами родней,
Однажды, однажды мы вспомним о ней.

Доедем,
Домчимся,
Вернёмся туда,
Где тихого детства струится вода.
Нагнёмся, увидим свою седину —
Тогда и оценим реки глубину.

* * *

Ты позвони,
Я брошу свой шесток.
Вокзал, перрон...
Какие наши годы!
Согреет душу солнечный глоток
Санкт-Петербургской сумрачной погоды.

Приеду,
Виноватый без вины,
И вдруг пойму над невскими волнами:
Ещё не все мосты разведены,
Тем более не сожжены меж нами.

Невозмутимо холоден гранит,
А век летит,
Стремительный, как росчерк.
Мы будем жить!
Пускай повременит
На переправе хмурый перевозчик.

Рука в руке
И вечность про запас —
Две искорки в горячей звёздной пыли...
Когда-нибудь легко забудут нас,
И всё-таки мы были, были, были!

* * *

Вот кто-то, на меня похожий,
С тобой прощается в прихожей,
Неловок и сутуловат,
А так ни в чём не виноват.
Хотя вина и невиновность
Порой не больше чем условность,
Пусть только ложь твои слова,
Ты и неправая права.
Права, как облако и ливень,
Я без тебя не стал счастливей.
Живу, непоправимо прав,
Сам у себя любовь украв.

КАЛЕНДАРЬ

Что там нынче на дворе —
Детство, отрочество, старость?
Два листка в календаре,
Неоторванных, осталось.

Две случайных запятых
На краю, а не в начале.
Два мгновенья золотых
Для надежды и печали.

Суматошной жизни бег
По канатику над бездной...
И струится белый снег
С тихой родины небесной.



ВРЕМЕНА

* * *

Округу чуть припорошило,
И снова хочется туда,
Где вяз, как многорукый Шива,
Застыл у спящего пруда.

Где за озябшим перелеском,
За полем вымокшей стерни,
В промытом воздухе
Нерезком
Мерцают редкие огни.

Предзимья скудное убранство
Скрывает смутные пока,
Необозримые пространства,
Непостижимые века.

Дорога видится сквозь сырость
Едва до первого столба...
России всё дано на вырост:
Земля, история, судьба.

РОДИНА

Казнокрадов прыть,
Самодуров плеть.
Как воды отпить,
Родину отпеть.

Здесь холопья лесть
До златых верхов,
Потому не счесть
У неё грехов.

Пиво-мёд течёт
Не по всем усам.
И не тем почёт.
Всё я вижу сам.

Хоть порой ко мне
Холодна страна,
Но в её вине
И моя вина.

Как себе ни лги,
А расклад такой:
Стану я другим
И она — другой.

* * *

Отзывчив, почти как виолончель,
Сухой тростник, а ветер-смычок.
Я раньше боялся таких ночей,
А их оказалось наперечёт.

Луна, прильнувшая к облакам.
Звезда летит, по стеклу скользя.
Я раньше не верил твоим рукам,
А вышло — выжить без них нельзя.

Сначала многое не в цене,
Но снег запутался в волосах,
И стало ясно тебе и мне,
О чём кукушка кричит в часах.

* * *

Потемнели времён витражи,
Божий лик затмевает личина.
Вот уже от пронырливой лжи
Правда суцая не отличима.

Ныне всякое лыко в строку...
Разве станут об истине печься,
Те, кому довелось на веку
Трижды клясться
И трижды отречься?

ДОНБАСС

Срезана пулей рябины макушка.
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт
И кукует кукушка:
Дни или годы считает она?

Может, вот здесь у разбитой котельной
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся
И крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит.

Не упасёт от беды, как бывало
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка накуковала?
Что ж ты в сердцах напорочила мне?

Молча уходим леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым нательным крестом?

ВЕСЫ

*Мы знаем,
что ныне лежит на весах
Анна Ахматова*

Не играйте, мальчики, в солдаты —
Время пахнет порохом всерьёз:
Доведут вас эти аты-баты
До горячих материнских слёз.

Нет, она удерживать не станет,
Понимая: этим не спасти...
Скольким под родимыми крестами
Ковылём недремлющим расти!

Что слова?
Они порой кондовы
Не утешат и не воскресят.
Вновь заплачут сироты и вдовы,
Хлынет дождь,
Леса заголосят.

Ах, Россия, ветрено и сиро
В рощах золотых на небеси...
Пробил час,
И снова судьбы мира
На твои положены весы.

ПОЭТ

Что известно о поэте?
Неприкаян, как бурьян,
Он сидит на табурете —
В меру выбрит, в меру пьян.

Наклонясь к залётной крале,
Заливает сущий бред,
С точки зрения морали
Олицетворяя вред.

Земноводное и птица,
Уголёк в немой золе,
Надо ж было воплотиться
Так нелепо на земле!

Впрок не копит, дом не рубит —
Продувная голова,
А его такая любит
За красивые слова!

Он исчезнет между делом,
Незаметно, как листва.
У него на свете белом
Нету кровного родства.

* * *

Звёзд ледяных над городом кочевье,
Когда зима,
Когда темно к шести.
И женщина в автобусе вечернем
Глаза в глаза,
И взгляд не отвести.

Убогий путь меж выбоин и рытвин,
Ползущий в ночь раздрызганный ковчег
И красота,
Подобная молитве,
Та самая, что примеряет всех.

На миг один заставит встрепенуться
И мир забыть, где властвует зима...
А следом надо просто отвернуться
И дальше жить,
И не сойти с ума.

* * *

Ночью проснулся от крика,
Мучило: было иль нет?
Лишь первозданно
И дико
Лунный колышется свет.

Свет неземного накала
В небе,
На белой стене.
Ты ли меня окликала,
Или почудилось мне?

Снова из тьмы законной
Луч этот вырвал на миг
Твой беспечальный,
Иконный,
Незабываемый лик.

Между былым и грядущим
Не отыскать рубежа,
В непостижимом и сущем
Вновь заплутала душа.

Чтобы в немислимом свете,
Там, среди звёзд и комет,
Мучиться и не ответить:
Были мы в мире иль нет?

СКАЗКА

В полумраке размыты детали
Фонари, очертания туч...
Воздух августа сентиментален
И, как мед загустевший, тягуч.

Ни о чём не жалея, человече!
Все случилось, чему суждено.
Даже горечь несбывшейся встречи
Перебьёт молодое вино.

Пусть нехитрая песенка спета,
Но неведомой жизни полны
Эти зыбкие полосы света
Восходящей растущей луны.

Что ей беды твои и невзгоды.
Если после метелей и выюг,
Лишь проклянутся первые всходы —
Гуси-лебеди сядут на луг?

Вновь округа изменит окраску,
Продолжая по воле Творца
«Жили-были...»,
Нестрашную сказку,
У которой не видно конца.

* * *

Поговорим о чём-нибудь высоком,
Что предстаёт обыденным подчас.
Вот яблоко, наполненное соком,
Качается, фонариком лучась.

Рябит листва, дрожащая от ветра,
Как тысячи неразличимых лиц.
Во всём — сиюминутное и ретро,
Без явно обозначенных границ.

Вот голуби лепечут на карнизе,
Как сто и даже двести лет назад,
Не ведая иллюзий и коллизий,
Когда-то наполнявших дом и сад.

Вот женщина — судьба моя и мука,
До сей поры сводящая с ума,
Уже не дочь баюкает, а внука,
Почти не веря этому сама.

Созвездия плывут над головою
И возвращают прожитые дни
То серенькой картинкой бытовою,
То фреской,
Рафаэлевой сродни.

* * *

О, непогодь лисья!
Я чувствую зиму виском.
Последние листья
Горят на бульваре Тверском.

Ничейным трофеем
Плывут по усталой воде,
Где окна кофеен
Подобны остывшей звезде.

Набухшие кровли
Сосут мутноватую мглу.
Немой иероглиф —
Фигура бомжа на углу.

Он странен и кроток —
Живой человеческий хлам,
На фоне решёток,
Авто, казино и реклам.

Что время уносит
С последним закатным лучом?
...А он и не просит
Прохожих уже ни о чём.

ВАНЬКИ

Каждой деревне свой дурачок
Необходим, как запечный сверчок.
Кто-то ведь должен от боли кричать
Там, где неглупому лучше молчать.
Лучше урвать посытнее кусок,
Буйную голову спрятать в песок.
Это убогому всё трын-трава:
Много ли стоит его голова?

Мудрая власть на крыльце золотом
Тешится всласть над нелепым шутком.
Власти вовсю помогает народ:

«Ванька,

чудак,

простофиля,

юрод!»

В царские уши струится елей,
Не подпеваает один дуралей.
Не вымогает себе ничего.
Крестик нательный — богатство его.
Речи юрода смутны и тихи:
«Все мы ответим за наши грехи».
Ваньку жалеет начальник и раб:
«Малый простак и на голову слаб.
Нынче непросто прожить дурачком».
Ваня вздыхает и пашет молчком...

Эх, забубенная наша страна!
Если б не Ваньки, России — хана.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Ах, жизнь! За всё заплатишь дорого.
К кому судьба была милее?
Одни сполна нюхнули пороха,
Другие — в подворотнях клея.

БИОГРАФИЯ

На памятнике жирная черта
Меж датами...
Дежурная мемория.
А вместо биографии — история
кредитная.
И больше ни черта.

ВРЕМЕНА

Снова о власти спорят обух и плеть.
Тьма высылает в дозоры за ратью рать.
Можно смириться с этим
и бросить петь,
Чтобы стареть
и медленно умирать.

Не зарекайся от крови невинной, брат.
Как ни юродствуй, а всё-таки нам решать:
То ли дышать научиться,
где смог и смрад,
То ли уйти однажды и не дышать.

Окна вокруг темны,
Закрома пусты,
Сыплется с неба последних времён зола.
А на полях вырастают одни кресты.
Много крестов...
Невесёлые, брат, дела.

Надо бы жить
И дрова поутру колоть,
Но безнадежно гнетёт и томит вина,
Словно уже разделились душа и плоть.
Словно уже...
Вот такие, брат, времена.

СОВЕТЧИКИ

Я торопился жить
И забегал вперёд,
Но остужали прыть
Унылым: «В свой черёд!»

Мог встать навстречу лжи,
А там суди-ряди...
Но мудрые мужи
Твердили: «Погоди!»

Водой разлить нельзя
Две родственных души,
Но старые друзья
Учили: «Не спеши!»

Нелепостей — гора,
Кривые колени...
Желали мне добра
Советчики мои.

Не прячу под замком
Премудростей суму:
Проживший дураком,
Других учу уму.

ПРОЗРЕНИЯ

Сложное стало простым,
Полное с виду — пустым,
Неразличимое явным,
Неоценённое — главным.

ВОЗРАСТ

Неоплаченное —
Тяжело нести.
Нерастраченное —
Всё в одной горсти.

* * *

Боярышник вырос на склоне холма,
В краю, где привычны тюрьма да сума —
Подруги лихие.
Вцепился корнями в угрюмый песок,
Под снегом не сгинул,
В жару не засох
Назло всем стихиям.

Метели мели и рыдали дожди.
Он птиц согревал у себя на груди,
Делился плодами.
Прохожий порой отдыхал у куста
И клял безнадежные эти места,
Отъехав подале.

Боярышник, горе познавший сполна,
Зачем ты бросаешь свои семена
Для муки и буден?
Затем, что любовь долговечнее бед,
Больней поражений
И слаще побед.
Так было и будет!

СТАНЦИЯ СЛЕЗА

Ничего не скажет Гоголь,
Промолчит, сойдёт с ума
Михаил Анищенко

На станции по имени Слеза
Гуляет беззаботная коза,
Вдали желтеет смётанный стожок
И лает недоверчивый Дружок.

Состав гремит, и рельсы, как струна...
О чём грустишь-печалишься, страна?
Страна безвестных станций и дождей,
Героев и неправедных вождей.

На станции по имени Слеза
Светлы берёзы, будто образа,
О Дне Победы радио поёт
И яблоки старушка продаёт.

А впереди — тумана пелена...
Куда летишь без памяти, страна?
Страна разбитых вдребезги колеи,
Святых могил и брошенных полей.

На станции по имени Слеза
Немеркнущего неба бирюза,
Автобус переполненный пылит
И милостыню просит инвалид.

Обычный вид — такие времена.
На каждом неизбывная вина.
Состав гремит, но все места пусты...
Скажи мне, Русь, куда ж несёшься ты?

ЮГО-ВОСТОК

Летела смерть-воровка,
Нечаемая смерть.
Горячая воронка.
Дымящаяся твердь.

Летела, волком выла,
Жечь, убивать, колоть.
С неистовою силой
Рвала живую плоть.

Июльская истома.
Дней окаянных быль,
Где ни жильца,
Ни дома,
Одна седая пыль.

Снарядом разметало...
Куда? В какую даль?
Из белого металла
В золе нашли медаль.

Металл, а не бумагу,
Оплавленный огнём.
И было «За отвагу»
Написано на нём.

* * *

У края, у межи
Сошлись теперь и впредь
Предположенья жить
С надеждой умереть.

Язык весов и мер
Поставил мир впросак,
Но свет нездешних сфер
Покуда не иссяк.

Колокола звонят
Во сне и наяву:
Они меня хранят,
Они меня зовут.

Канат легко рубить,
Но что вам завещать?
Живых уметь любить,
Живых уметь прощать.

XXI ВЕК

Век непредсказуемых затей.
Плен неосязаемых сетей.

Словом, отравляющим, как яд,
Божий мир на атомы разъят.

Свет пространство уступает мгле,
Истина — подобью, страсть — игле.

Но плывёт под солнцем и луной
Маленький и хрупкий шар земной.

Соловях ревнуют соловьи,
Пахнут мятой волосы твои.

И пока любовь всего ценней,
Век-обманка, я тебя сильней!

* * *

Нине Стручковой

Всё призрачней в памяти лица,
Всё уже ровесников круг...
Давайте друзьями делиться
Назло непогоде разлук.

Как свет соучастья отраден!
Постыдно его не принять.
Попробуем дружества ради
Оставшихся соединять.

Хотя бы не множить потери,
Грустя безучастно в углу.
Стучите в оглохшие двери!
Зовите отставших к столу!

Пусть пиршество доброе длится,
А сколько продлится — Бог весть...
Давайте друзьями делиться,
Пока хоть мгновение есть.

В ГОСТЯХ

В доме вышитая скатерть,
Старый дедовский буфет.
Вдруг из прошлого накатит
То, чему названья нет.

Голоса, улыбки, вздохи,
Восклицанья, шёпот, смех:
Аромат иной эпохи,
Той, где все любили всех.

И пускай неправда это —
Были ссоры и беда,
Почему-то больше света
В приснопамятном всегда.

Там, где все нужны и кстати,
Словно пальчики в горсти...
Надо вышитую скатерть
Непреренно завести.

* * *

Кухня, быт, постель, работа:
Вроде, не на что пенять.
Только нет ещё чего-то...
Не любившим — не понять.

За окном бушует поросль,
Мир горячий и родной,
Но живут как будто порознь
Двое в комнате одной.

Решетом таскают воду
У разлуки на краю,
Драгоценную свободу
Каждый вынянчил свою.

Оборвётся всё и сразу,
Дальше — жить по одному,
Потому что не обязан
Здесь никто и никому.

* * *

Войны кончаются миром:
Для победителей — пиром,
Для побеждённых — бедой...
Кто этот мальчик седой?
Он по вокзалам кочует,
Он где попало ночует —
Пасынок пьяной страны.
Мальчик вернулся с войны.

Как он безжалостно молод!
Дождик стекает за ворот.
Ходит почти что живой
Мальчик с седой головой.
Он сигарету мусолит,
В барах деньгами не сорит,
Будто свалился с луны.
Мальчик вернулся с войны.

Даже ни разу не ранен,
Лишь неприкаян и странен
Свет замутившихся глаз —
Не отпускает спецназ.
Чёрною меткою мечен,
Чей же взвалил ты на плечи
Крест непосильной вины?
Мальчик вернулся с войны.

ХУДОЖНИК

Отгуляли дожди, отрыдали.
За селом, за пригорком любим
Загорелись родимые дали
От промытых небес голубым.

Почернел у дорог подорожник,
Пожелтела в полях лебеда,
Словно выплеснул краски художник
И ушёл неизвестно куда.

Неудачник, бродяга, чудило —
Завернулся в своё пальтецо,
И звезда, что напрасно светила,
Вдруг его озарила лицо.

По земле, что к полуночи дремлет,
Нёс он лёгкое тело своё,
И ступал на родимую землю,
И отталкивался от неё.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ РЫНОК

Страшно мне...
Не подавая виду,
Тороплюсь, от мамы ни на шаг.
Чей-то крик: «Подайте инвалиду!»
С той поры колотится в ушах.
Плачу горько, маму обнимаю,
К платью крепдешиновому льну.
Я ещё не много понимаю
Про беду, разлуку и войну.
А сирень цветёт по околотку,
И печали детские легки...
Прямо с неба
В мятую пилотку
Падают со звоном пятаки.

РОДИТЕЛИ

Есть город, улица и дом
В заснеженном саду.
Дверь открывается с трудом,
Но я в неё войду.

Войду, как в молодость свою
В зелёный дом с крыльцом.
В том полупризрачном краю
Живые мать с отцом.

На склоне сумрачного дня
Присяду к ним за стол
«Простите, милые, меня
За то, что долго шёл.

За вашу вечную печаль —
Тревогу обо мне,
За то, что падал невзначай
По собственной вине.

Грешил и попусту горел,
В аду бывал, в раю,
А вас теплом не обогрел
У жизни на краю.

Готов принять и кнут, и суд,
Ведь оправданий нет...»
Ни слова не произнесут
Родители в ответ.

Гудит-дымится за стеной
Одна из долгих зим...
Как разочтётся жизнь со мной,
Уже известно им.

ОХОТНИК

Неуловимое выслеживай.
Тропу без устали тори
К немой,
Холодно-ватато-бежевой
Полоске утренней зари.

До выстрела,
До завершения,
До раскалённого свинца,
Ведь жизнь — взаимоотношения,
По сути, зверя и ловца.

Хвала охотнику упорному!
Но время, ставшее судьбой,
Уже идёт по следу торному,
Как за добычей, за тобой.

СТАРУХИ

По хлябям невообразимым,
Полдня промаявшись в лесу,
Грибов бездонные корзины
Старухи вечные несут.

Боровики белее сала,
Маслята под любой ранжир...
В райцентре,
Около вокзала,
Их купит бойкий пассажир.

Метнёт помятые купюры
И пожурит со стороны:
«Ах, бабы-дуры, бабы-дуры,
Такому чуду нет цены!
Прими спасибо за подарок.

Так не накопишь сроду, мать». —
«Хоть невелик, а всё ж приварок, —
Ответит, — внуков поднимать».

Перрон пустеет понемногу,
И в поле не видать ни зги.
Пора в обратную дорогу.
«А ну, Матрёна, помоги!»

Забыв про годы и недуги,
Бредут по всем путям страны
Её кормилицы-старухи.
Им нет цены!
Им нет цены!

* * *

Мне бы худым оказаться пророком:
В распрях безудержных и кутерьме.
Не угасите свечу ненароком,
Ибо опять заплутаем во тьме.

Вольно шуми, заповедное древо!
Вольно лети, неубитая весть!
Не угасите ни боли, ни гнева,
Ибо для них основания есть.

Самые полные смяты колосья,
Но вопреки холодам и ветрам,
В поле оттаявшем
Многоголосье
Снова встречает меня по утрам.

Жаждают луга разнотравья былого,
Русла сухие высокой воды,
Не угасите проросшего слова
Встречными палами новой вражды.

МИГРАНТЫ

Тумана пелена
Окутала полмира.
Кремлёвская стена
Едва видна с Памира.

В Хороге дождик льёт,
Взволнованный и гулкий.
Таджики долбят лёд
в Армянском переулке.

О, несравненный век,
Чудны твои дороги!
С утра метёт узбек
У хмурой синагоги.

Меняя унитаз
Грузинам на Хованке,
Мыкола из Черкасс
Грустит о вышиванке.

Изябнувшим леском
На дачу к дяде Ване
Торопятся гуськом
Умельцы-молдаване.

Империи финал...
Кому теперь пеняем?
Интернационал
Уже неотменяем.

РОГАТКА

Хороша упругая лещина
Для моих мальчишеских затей.
Я рогатку выстрогал — мужчина!
А по сути маленький злодей.

Донесёт из детства ветер шалый
Заполошный писк из-под застрех...
Вот он мой, быть может, самый малый
Из печалей многих, давний грех.

Не со зла выцеливали пташек,
Только ныне каяться смешно.
Сколько нас, Ванюшек, Петек, Пашек,
Позабывших шалости давно!

С дочерью идём туда, где птицы —
В парковый размеренный уют.
У неё с руки клюют синицы,
А с моей ладони не клюют.

* * *

Андрею Шацкову

Вот пришли и наши стужи,
Настоящие, без фальши...
Начинаем видеть хуже,
Но зато намного дальше.

Жили весело и бражно,
А теперь живём построже.
Всё грядущее — неважно,
Всё ушедшее — дороже.

Указателям не веря,
К поднебесной светлой роще
По тропе ловца и зверя
Пробираемся наощупь.

Между суетным и главным
В тупиках земного быта
Предпочли мы знакам явным
То, что призрачно и скрыто.

Нас несправедно судили,
Но в безумном этом ралли
Только те и победили,
Кто вчистую проиграли.

Всё грядущее — химера,
Всё ушедшее — полова...
Нам одна осталась вера
И одна надежда — Слово.

РОЖДЕСТВО

Из комнаты прокуренной и тесной
Уйти на волю — на реку и в лес,
Где падает внезапно и отвесно
Таинственная музыка с небес.

Как будто вправду соткана из пуха,
А в глубине сияние и свет,
Она звучит,
Едва касаясь слуха,
Когда темно,
Когда надежды нет.

И вдруг душа становится покорней,
А жизнь ясней и проще, чем была...
О, этот зов незримой выси горней:
Вначале хор, потом колокола.

Запомятай мелодию и пенье,
Как самое заветное храни!
Настанет час,
И кончится терпенье,
Но вновь и вновь
Тебя спасут они.

АКТЁР

И вот уходит за кулисы
Актёр, игравший короля.
Он через час предстанет лысым,
С лицом зануды и враля.

Весьма банален и обычен,
Как всем наскучивший мотив,
А был возвышен
И трагичен,
Судьбу чужую воплотив.

Сидит, хохочет, словно девка,
Король, свою предавший рать...
И где искусство,
Где подделка —
Поди попробуй разобрать.

* * *

Эта музыка в тиши
С лёгкой примесью печали...
Есть у каждого вначале
Абсолютный слух души.

Если б заново начать!
В пору ясных гроз и пуха
Недоступное для слуха
Научиться различать.

И совсем не знать пока
Мастерства иного толка:
Всё искуснее рука,
Всё неискренней тракторка.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Зайчик розовый на занавеске,
Беззаботная птаха поёт.
Раньше сына и раньше невестки,
Раньше солнышка мама встаёт.

Облака проплывают над садом,
Свежей смолкой сочится бревно.
В доме пахнет уютom и ладом —
Я забыл этот запах давно.

Колеса на простуженных скорых,
В мире цвета гостиничных стен,
Увязая в неряшливых ссорах
И похмельном угаре измен.

Отпылала звериная нежность,
Вся истаяв, подобно свече.
Отчего ж, как сама безмятежность,
Дремлешь ты у меня на плече?

Будто не было долгой печали,
Слёз горячих,
Расчётливой лжи.
Словно всё ещё только в начале —
День безоблачный,
Лето
И жизнь.

ПЕЙЗАЖ

Какой обычный вид!
Пред уголком безвестным
Душа не покривит
Восторгом неуместным.

Не торопи слова,
Затёртые, как джинсы,
Здесь поздняя трава
Задумалась о жизни.

Гляжу на этот лес,
Берёз его свечение —
Здесь у всего окрест
Глубинное значение.

И поле, и река,
Всё, что тобой увидено,
Обыденно,
Пока
Душа твоя обыденна.

И носишь, как вино,
Ту невозможность
Сразу
Постигнуть глубину
Открывшегося глазу.

* * *

Еле слышен из-за леса,
Где оранжевый восток,
Подзабытый звук прогресса —
Электрички стукоток.

От добра добра не чаю:
Одинок — и что с того?
Вот и нынче не встречаю,
Слава Богу, никого.

Не юрод и не отшельник,
Потому что каждый миг
Речка, луг, дорога, ельник
В собеседниках моих.

Эта хата хоть и с краю,
Да зато не в тупике.
Никого не окликаю
В непроглядном далеке.

Лишь одним страшит граница,
Где сгорит житьё-бытьё:
Вдруг и на небе продлится
Одиночество моё?

* * *

Надо бы вернуться восвояси,
Надо бы держаться своего.
Только в золотом иконостасе
Я не понимаю ничего.

Смутен смысл церковных строгих правил
Для неискущённого пока.
И глядят с укором Пётр и Павел
На невежу,
На отступника.

Это только воину простится:
Он, когда предсмертное хрипел,
Даже не успел перекреститься,
Потому что выстрелить успел.

ПРОЩАНИЕ

Мужчинам плакать не пристало,
Когда уходят воевать.
Она на цыпочки привстала,
Чтобы его поцеловать.

По доскам зыбкого настила
Увёл команду военком.
Она его перекрестила
Неловко, истово, тайком.

Шагало молча отделение.
Он оглянулся раз и два...
Она стояла в отдалении,
Ещё не зная, что вдова.

ОСИНОВАЯ ГОРКА

*(Памятник военным
шофёрам под Брянском)*

Стою на Осиновой горке,
Смотрю на холодный гранит,
Что память о времени горьком,
О времени гордом хранит.

Из дали суровой и вьюжной
Доносится в этот лесок
Едва различимый,
Натужный,
Полуторки хриплый басок.

Не дремлешь, сержант-бедолага?
Не смею — такая судьба...
Солёная светлая влага
С гранитного капает лба.

Глаза воспалённые строги,
Седой, потемневший с лица,
Он так и остался в дороге,
Которой не видно конца.

МИМО

*(Стихи, написанные в вагоне
монорельсовой дороги)*

Хлам. Задворки. Ключья дыма.
Телебашня. Снег. Луна.
Проплывают плавно мимо
Запотевшего окна.
День за днём
Неутомимо
Время крутит жернова.
Вот сижу,
И едут мимо
Деньги, женщины, слова.
Общежитием повязан,
Разорвать не в силах круг:
Всем не нужен,
Всем обязан,
Всем на свете враг и друг.
Опостылевшие лица
В обе стороны пути...
Тяжело остановиться.
Страшно плюнуть
И сойти.

Лес обгорелый,
десяток избёнок,
морок нетрезвых ночей.
Плачет в оставленном доме ребёнок.
— Чей это мальчик?
— Ничей.

Невыносимая
воля в остроге,
вязь бестолковых речей.
— Чей это воин,
слепой и безногий
помощи просит?
— Ничей.

Словно во сне великана связали,
гогот вокруг дурачья.
— Чья это девочка
спит на вокзале
в душном бедламе?
— Ничья.

Остервенело
в рассудке и силе
продали это и то.
— Кто погребён
в безымянной могиле
без отпеванья?
— Никто.

Родина!
Церкви и долы, и пожни,
рощи, овраги, ручьи...
Были мы русские,
были мы Божьи.
Как оказались ничьи?

ДОМ

Дом у реки — резным фасадом к бору,
Где ежевика вьётся по забору
И яблоки запутались в траве —
Как о тебе я тосковал в Москве!

Теперь уже не встретят тесть и теща.
Приют их вечный ныне там, где роща
И тёмные дубовые кресты...
Недалеко, всего-то две версты.

Дорога непроезжая горбата
К могилам тихим узника штрафбата,
Пришедшего с войны в бинтах сырых,
И матери, поднявшей восьмерых.

А дом стоит и сохранилась печка.
Напротив — лес, за огородом — речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль: земля вокруг пуста.

Ушёл её рачитель и ходатай,
А я всего лишь праздный соглядатай,
Не знающий крестьянского труда.
Зачем же тянет вновь и вновь туда?

Печь затоплю, потом иду к запруде;
Всё кажется, здороваются люди,
Которых знал, а их в помине нет...
Не век прошёл, всего-то двадцать лет.

Когда уснёт закат подслеповатый,
Я возвращусь, ни в чём не виноватый,
Забывтый,
Как портреты на стене,
В том времени,
В том доме,
В той стране.

* * *

Легко бежал, а всё-таки запнулся.
Шил на века, да распоролся шов.
По глупости однажды оглянулся:
И жить не жил,
А поле перешёл.

* * *

Не пугайте судьбу и участь:
Неотвратимость, неминуемость
Лишь участью предрешена,
А то, что связано с судьбою,
Вершится не само собою
И часто мучит, как вина.

РЕВОЛЮЦИЯ

Всё начиналось разговорами,
Чтобы немного погода
Эпоха щёлкала затворами,
Дыханья не переводя.

Сначала котелки да тросточки...
А нынче в поле, где пырей,
Не различить немые косточки
Ведомых и поводырей.

История творилась начерно,
Не разделяя свет и тьму.
Не отрекусь: «Не нами начато!»
Но и душою не приму.

Соцветий высохшие венчики
На снег роняют семена...
А мы не судьи,
Мы — ответчики.
Не обвинители — вина.

Разлад из дней минувших кликая,
Мир не построить по уму.
Недаром прошлое
Великое
Нам заменяет жизнь саму.

* * *

Пилят старик со старухой дрова.
Струйка опилок стекает едва.

Радио маршем гремит со столба.
Пот утирает старуха со лба.

Пёс неприкаянный дремлет у ног.
...Вздых и движенье,
Движеньё и вздох.

Слышится диктора бодрая речь.
Ох и прожорлива русская печь!

КОСТЁР

В этой светло догорающей груди
Запах эпохи над запахом щей.
В мире, где есть бессловесные люди,
В общем-то, нет бессловесных вещей.

Кресло и кукла безрукая рядом —
Чья-то судьба,
Обращённая в прах.
Смотрит старуха невидящим взглядом
В лёгкое пламя на задних дворах.

Чудятся-видятся милые лица,
Фрак дорогой и тугая коса...
Круг замыкается или продлится?
Вещи молчат,
И молчат небеса.

* * *

Время — только для живых,
Как причуда или прихоть.
Вроде псов сторожевых
Эти стрелки стали прыгать.

Агут часы и зеркала.
Небывалая проруха —
Нынче всякая шкала,
Как тугая оплеуха.

Что там: нечет или чёт?
Образ будущего зыбок.
Время любит точный счёт,
Не прощая нам ошибок.

Вот ещё один удар —
Ближе срок поставить точку.
Ты удавка или дар?
Жизнь,
А может, смерть в рассрочку?

На земных путях кривых
Постигает всяк бредущий:
Время — сказка для живых,
Но всегда на сон грядущий.

* * *

Летопись о нас расскажет скупю,
Как о неоставивших следа.
Спился мельник,
Развалилась ступа,
Высохла толчёная вода.

Вроде, как-то жили, пили-ели,
Разные, не сплошь богатыри,
Но пробились шустрые Емели
В кукловоды и поводыри.

Вот уже и стенка прёт на стенку,
Кровная родня, не чужаки,
И зовут безбашенного Стеньку
С двух сторон в задиры-вожаки.

Раззудись, плечо, гуляй, голота!
Смотрят, как неистовствует бес,
Кто-то с горки,
Кто-то из болота
И — до срока —
Сам Господь
С небес.

* * *

Ночью жизнь совсем другая:
Мягче, проще, тише.
Спит луна полунагая
На соседней крыше.

Этот сумеречный свет,
Холодок по коже...
Тёмных мыслей больше нет,
Светлых, впрочем, тоже.

Только ночь, луна, окно,
Бездны край из жести.
Вот и выпито вино
С истиною вместе.

Ни теорий, ни систем,
Чей был я поклонник.
Между этим сном
И тем
Только подоконник.

* * *

Медленно мельница времени мелет,
Мельник седой умножает и делит.
Ежеминутно крушат жернова
Чьи-то надежды,
Объятья,
Слова.
Рушась и заново соединяясь,
Мир изменяется,
Не изменяясь.

НОША

И мне казалось — время лечит
Всё то, что душу нашу жжёт.
Возьмёт, как женщина, за плечи
И, безмятежное, солжёт.

Но память — трепетная птица,
Вспорхнула,
Встала на крыло,
И всё успевшее забыться
Двойную горечь обрело.

Я и не ведал, без печали
Вдогонку крикнув ей: «Лети!», —
Как ноша разнится
В начале
И в продолжение пути.

* * *

Вот живу и ладно,
И добро.
Привыкаю к редкостной удаче:
Медь волос менять на серебро
И ничуть не делаться богаче.

* * *

Утром над городом
Розовый смог
Полупрозрачен.
Как ни прикидывай,
Жизни итог
Неоднозначен.

Не затушуешь —
Потей не потей —
Кляксы и тени.
В прошлом и будущем
Больше потерь,
Чем обретений.

МУЗЕЙ ЗАКРЫВАЮТ

Подзабывшихся имён
Вялая харизма
Из утраченных времён
Тоталитаризма.

Снег меняется на дождь,
И лежат рядками
Перенаграждённый вождь
С передовиками.

Не музей уже, а склад,
Где пылится в хламе
Пережившее солдат
Полковое знамя.

Где, вобравши пот и пыл
С запахом кровицы,
Спят, как воины, снопы
Золотой пшеницы.

Дремлет память-инвалид,
Всем вокруг наскуча.
Время больше не болит,
Сваленное в кучу.

Никому ты не нужна —
Жизни той окрошка!
Только нищенка одна
Ходит у окошка.

Ходит-бродит, говорит,
Суд пророчит вечный,
А во лбу её горит
Знак пятиконечный.

* * *

Теперь не шлют бумажных писем,
Куда удобней ноутбук.
Не жди напрасно, дед Анисим,
Когда тебе напишет внук.

Налей обеденную чарку,
Огурчик круто посоли
И долгожданную почтарку
Своей дотошностью не зли.

Она одна на три округа,
К тому ж немалые весьма.
И что ей все твои заслуги,
Когда не прибыло письма?

Помрёшь, как старый тополь в парке,
Бесславно, Господи прости:
Ни логина,
Ни аватарки,
Ни даже адреса в Сети.

* * *

Спят на погосте земляки.
Иные говором и ликом,
По обе стороны реки
Теперь живут узбек с таджиком.

Часы безвременья текут,
Меня всё в подлунном мире:
Не пироги в селе пекут —
Лепёшки круглые в тандыре.

А воздух Родины смолист...
Вокруг другие: ну так что же?
Ведь я не националист
И не скинхед, избави боже!

Смотрю, как высохший от ран,
Бредёт под крики муэдзина
Последний русский ветеран
С поллитрою из магазина.

* * *

Признаться, люблю кривотолки,
Досужих суждений парад.
В них правды сияют осколки
Достоинством в десять карат.

Я истину чувствую кожей —
Добуду, открою, спасу!
А голая правда похожа
На мину-ловушку в лесу.

Он день-деньской на стройке грязь месил
За скромную зарплату инженера
И с видимым достоинством носил
Ботинки сорок пятого размера.

Перед игрой похлопать по плечу
Могли его, как будто пионера,
Но виртуозно бил он по мячу
Ботинком сорок пятого размера.

Как просто оказаться не у дел!
Возьмите танцы те же для примера,
Но тупелек ни разу не задел
Ботинок сорок пятого размера.

А дальше он шагал уже в строю,
Где каждому свои удел и мера —
Растяжку тронул в первом же бою
Ботинок сорок пятого размера.

И вот лежит, цветок зажав рукой,
И звёздная над ним мерцает сфера,
Куда ушёл он, маленький такой,
В ботинках сорок пятого размера.

ПОЛЕННИЦА

Дрова уложили под старым навесом,
И сразу пахнуло берёзовым лесом,
Нагревшимся дизелем,
Узкоколейкой,
Листвой народившейся,
Липкой и клейкой.
Бесчисленных запахов
Этих смешенье —
Начало начал
И всему завершенье:
От юных,
В сугробы укутанных пленниц
До солнцем нагретых
Высоких поленниц.
От вешней поры
И до звонкой пилы,
От белой коры
И до чёрной золы.

ПУГАЛО

Эта служба отнюдь не бодяга.
Отовсюду видать за версту:
Не алкаш,
Не беспутный бродяга
В огороде стоит на посту.

Посреди свежеполотых грядок,
Продуваемый ветром насквозь,
Образцовый наводит порядок,
Не надеясь на русский авось.

Ничего, что не сеет, не пашет
И соломой полна голова.
Рукавами отчаянно машет,
Стаю галок завидя едва.

Не утрачены стать и порода,
Потому предлагаю пари:
Этот парень не среднего рода,
Как отчаянно врут словари.

Он, приличия не соблюдая,
Смотрит ночью в окно, не дыша...
А хозяйка его молодая
Удивительно как хороша!

Отчего же в те райские кущи
Мужики не спешат на постой?
...Он один по округе непьющий
И единственный тут холостой.

* * *

Прекрасна неопределённость,
Когда возможны «да» и «нет».
Не страсть,
А тихая влюблённость.
Не вспышка —
Сумеречный свет.
Какое б ни было решение,
Как жизнь ни сложится твоя,
Не результат,
А предвкушение —
Простая прелесть бытия.

* * *

О милосердии, о вере
И я Всевышнего просил.
Сто раз в незапертые двери
Стучался из последних сил.

Когда ж, неверный и убогий,
Бывал спасаем Им опять,
Не просто медлил на пороге,
Но от Него стремился вспять.

ВОЛК

Ни петуха,
Ни человеческой речи.
В округе всей погашены огни.
Дома пусты,
А там, где топят печи,
Две-три старухи коротают дни.

Вожак умён
И даже пулей мечен,
Уводит стаю снежной целиной...
В деревне ныне поживиться нечем.
И волк её обходит
Стороной.

* * *

В краю истерзанном и голом,
Где в полдень не видать ни зги,
Поэт, не жги сердца глаголом!
Во имя Господа
Не жги!

Не перейди незримой грани,
Святой взыскуя правоты.
Ты видел сам —
На поле брани
Лишь ядовитые цветы.

Творится адова работа,
Кипят незрелые умы...
А в это время
Чёрный кто-то
Лишь ухмыляется из тьмы.

* * *

Не казнокрад, не грабитель,
Лоб осеню крестом.
Если кого и обидел —
Не было умысла в том.

Зависти не было чёрной,
Что же терзаться виной
Перед когортой несчётной
Чем-то обиженных мной!

Это ведь, как наважденье,
Это касается всех...
Разве не ждёт снисхожденья
Непреднамеренный грех?

Твёрдо небесные слуги
Держат порядок в дому:
Зло возвратилось на круги,
То есть ко мне самому.

Тропа с холма сбегает вниз полого,
А дальше степь без края и конца.
Сухой и жёсткий куст чертополоха
Качнётся вдруг у самого лица.

Бери копьё иль уповай на милость
Врагов, что в прах стирают города...
Здесь ничего почти не изменилось
За сотни лет —
Всё так же, как тогда.

Так да не так:
Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, далеко, шумит-гремит столица,
Она щедра для слуг, а не служак.
Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и вожак?

Всё верится: вот-вот блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давно уже в округе,
Та самая, что мёртвую зовут.

По всей степи кусты чертополоха,
Сойдёшь с коня — утонешь с головой.
Густеет тьма.
Кончается эпоха,
И колокол расколот вечевой.

* * *

Когда бесправие царит
И зло угрюмо дышит в лица,
Боящийся не говорит,
А говорящий не боится.

Но есть и хуже времена —
Всеговорения как цели.
Такой свободе грош цена,
Как и словам на самом деле.

* * *

Деревня Хлебово.
Остановка по требованию.
Три дома,
Один жилой.
Пьяный старик с пилой.
Слепая старуха:
У неё глаукома.
Вот я и дома.

БАБУШКА

Всё твердим, что Родина в упадке,
Снова зреет смута на Руси...
Бабушка зажжёт огонь в лампадке,
Тихо скажет: «Господи, спаси!»

Планы, стройки, лагеря и речи —
Рай куёт безбожная страна...
Бабушка смиренно ставит свечи,
Шепчет дорогие имена.

В тихом свете,
Возле внуков спящих
Молится, как ангел во плоти,
Обо всех болящих
И скорбящих,
Ненароком сбившихся с пути.

Жизнь прекрасна всякими дарами,
Но одно припомню на краю:
Маленький,
В пустом и гулком храме
С бабушкой-заступницей стою.

* * *

Мир всякой мудростью богат,
Но загляни в судьбу любую:
Всё по наитью,
Всё вслепую,
На ощупь или наугад.
А опыт?
Он, конечно, кладезь
Сокровищ сердца и ума:
Бери и пользуйся,
Не тратясь,
Но как-то стыдно
Задарма.

ПРИ ВИДЕ ТАНЦУЮЩИХ СТАРИКОВ

В стороне от ларьков,
позабыта давно агитпропом,
Танцплощадка порой
оживает у самой реки.
Непроворные пальцы
касаются клавиш и кнопок,
Топчут серый асфальт
неухоженные башмаки.

Незабвенный вальсок
в глубине августовского парка,
Словно белые флаги,
старушечьи светят платки.
Непривычно-то как:
ни одной проститутки и панка!
Топчут серый асфальт
неухоженные башмаки.

Ни долгов, ни процентов —
другие пришли кредиторы,
А последний заём —
на погасших глазах пятаки
Да надежда святая
на милость небесной конторы.
Топчут серый асфальт
неухоженные башмаки.

Вдруг сорвётся мотив...
Ну а мёртвые сраму не имут.
Вы счастливее нас, неприкаянных,
Что тут скрывать!
Мимо тихих церквей
проплывёте по Третьему Риму,
А четвёртому, видно,
и вправду уже не бывать.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Тополей верхушки задевая,
Проползли над миром облака,
И скатилась капля дождевая
По земле горячей, как щека.

А в земле не горько
И не больно,
Только вот мала она, мала:
Потому и обнялись невольно
Ратников посеченных тела.

Где она, лихая вражья сила?
Дай увидеть волю,
Воскреси!
Дремлет поле — братская могила
Посреди недремлющей Руси.

* * *

Старался жить не напоказ,
Но, как плохой артист на сцене,
Мгновенно вспыхивал и гас,
Ни в чём не достигая цели.

Топор у времени остёр —
Щепой и прахом стали брёвна,
Давным-давно погас костёр...
А вот лампада тлеет ровно.

САПОГИ

А мы не размышляли о Державе
И больше беспокоились о том,
Чтоб сапоги кирзовые не жали
На полигоне,
В месиве и ржави,
Когда нещадно ливень бьёт кнутом.
Но воплотились помыслы благие
В моей стране чередованьем смут...
Я сапоги теперь ношу другие,
Заморские они и дорогие,
Да вот беда:
Немилосердно жмут.

БЫВШИЙ ЛЁТЧИК

Духота. Тупик. Вагоны.
Наливай себе, милой!
Капитанские погоны
Покатились с плеч долой!

Понесло по белу свету,
Не по небу — по земле.
Виноватых нынче нету
Ни в казарме, ни в Кремле.

Ты зачем буянил спьяну,
Комполка-вора костил
И жену свою Татьяну
За измену не простил?

Наливай себе, поручик,
Разве мы не на коне?
Как пикирующий грузчик
Ты куда нужней стране.

Ну какие наши годы...
Ты чего, летун, поник?
Рельсы. Станция. Вагоны.
Водка. Духота. Тупик.

ТЕЛЕГА И САНИ

Меняется время.
Вы знаете сами:
Давно устарели
Телеги и сани.

А было:
Бежала ни валко
Ни шатко
По первому
Чистому снегу
Лошадка.

А если возница
Лихой и рисковый —
Скрипели полозья,
Звенели подковы!

Но вот уже март
Без морозов и снега,
И розвальни
Вскоре сменяет телега.

По липнущей грязи
И пыли белёсой
Катили
Пропахшие дётгем
Колёса.

На выгон, на ферму
И в поле с рассветом...
Да мало ли дел
У хозяина летом!

Былому
Уже не дано возвратиться.
А я вот в телеге
Успел прокатиться.

* * *

На рынке,
У Божьего храма
И в бане, и в детском саду —
Охрана, охрана, охрана
Повсюду, куда ни пойду.

Резоны умны и весомы —
С жульём не играть в поддавки.
Крепки на воротах засовы,
Да больно уж воры ловки.

Ещё не утрата — бумажник,
Ещё не потеря — гроши...
Но мнится:
Не ангел, а стражник
У каждой заблудшей души.

* * *

Коллекционирую слова,
Всплывшие из рухляди и хлама,
Изгнанные некогда из храма,
Пыльные, немые, как трава.

Непередаваемая страсть —
Маятником времени качаться!
Мне всегда хотелось
Время красть.
Наконец-то стало получаться.

НА РУИНАХ ЦЕРКВИ

Чертополох, цветущий скупю,
А там, внутри, который год
Сияет сквозь дырявый купол
Другой, по счастью, вечный свод.

И значит так:
В грязи и сраме,
Где под ногами сор и склизь,
Ты всё едино в Божьем храме.
Ты не оставлен им.
Молись!

* * *

Позже темнеет и раньше светает,
Время весеннею льдинкою тает.
Капля по капле уходит в песок
Жизнь, а не сладкий берёзовый сок.
Но оттого, что на свете не вечен,
Дорог вот этот мерцающий вечер,
Полутона и штрихи, и оттенки,
Сумрак и солнечный зайчик на стенке,
Облако в небе и влага в овраге,
Старое фото на жёлтой бумаге,
Где средь ушедших в иные края,
Неразличимый, устроился я.

* * *

Вид и убог, и божествен:
Голье стынут леса.
Дождь барабанит по жести
Двадцать четыре часа.

Осень. Безлюдье. Равнина.
Озеро цвета свинца.
Низкого неба рванина.
Русская даль без конца.

Грустно-то...
Батюшки светы!
Вольно-то,
Как уж ни глянь...
Вот где родятся
Поэты
И беспробудная пьянь!

* * *

Не найти у неба дна —
Только звёзды сплошь.
Если истина — одна,
Значит, это ложь.

* * *

Жизнь прожита.
Грехи неискупимы.
В душе, как в доме, сор и неуют.
Но отчего так сладко серафимы,
Незримые,
О будущем поют?
Суди себя по самой высшей мерке
И на краю тебя убережёт
Тот дивный свет,
Что никогда не меркнет,
И та любовь,
Что никогда не лжёт.

* * *

Годы-то всё какие —
Сплошь из огня и дыма!
Бабушка Евдокия,
Матушка Серафима.

Боль от репёв-колючек,
Предошущенье строчек...
«Всё Он управит, внучек».
«Не унывай, сыночек».
Вот и года итожу,
Тёмного не скрывая.
«Всё ты управил, Боже»,-
Плачу, не унывая.

РОМАНС

Вспоминайте, как молодость, летнее пекло,
Промелькнувшее в хохоте и озорстве.
Скоро изморозь ляжет по травам поблеклым,
По сухой и звенящей,
По ясной листве.

Над размытой чертой между тьмою и светом
Звёзд мерцающих выплывет поздний косяк.
Убывает тепло, наречённое летом,
И студёные ветры летят на рысях.

То, что вечностью чудилось, только мгновенье,
И, наверное, в мире не первому мне
Всё мучительней к памяти прикосновенье,
Всё теплее в её отражённом огне.

Скоро красным засветится по снегу тальник,
Станут зори прозрачней, а взоры темней...
Время думать о жизни,
О жизни как тайне...
Или век доживать
И не думать о ней.

ХОРОШО!

Тянет гуж провинция глухая,
Ни о чём столицы не моля.
Хорошо, что сыплет, не стихая,
Белый снег на чёрные поля.

Быть большой воде и урожаю,
Льду речному рваться на куски...
Хорошо, что больше не сажают
За случайный трёп и колоски.

Яблоня озябшая в окошко
Постучит, мечтая о тепле...
Хорошо, что в подполе картошка
И она же вечно на столе.

Хорошо, что золотятся дали
И весною аисты кружат
Над избой, где дедовы медали
За божницей строго лежат.

Первые в застолье и артели,
Без отказа — только позови...
Хорошо, что не разбогатели
На чужой неделе и крови.

Подавать не брошена привычка
И врагу разбитому не мстить.
Хорошо, что церковь-невеличка
Всех принять готова и вместить.

Хорошо, что подрастают дети
С чистой и ясною душой.
Просто жить на этом белом свете
Необыкновенно хорошо!

ПРИБАВЛЕНИЕ ДНЯ

Поэзия — спасенье языка, вечно новорождённая родниковая речь. И то, что может сказать она, не скажет никто, хотя, казалось бы, — говорят все, хором повторяя уже давно сказанное. Но как редко можно услышать:

*Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человечьей речи
Душа остывшая темна...*

Поэзия всегда начинается с внутренней тишины. И ощущение родниковой чистоты слова возникает с первых строк — любых строк, на которых открывается поэтическая книга Виктора Кирюшина. Его имя уже давно известно истинным ценителям русской поэзии. Одно из главных, душевно близких, мощно притягательных свойств стихов Кирюшина — глубокое национальное чувство. Это очень русские стихи. И русские они не по внешнему сюжетному признаку, хотя и его нельзя не отметить. В первую очередь — язык.

Слово, попадающее в магнитное поле поэтической речи Виктора Кирюшина, приносит с собой всё, что было накоплено веками: точность, полнзвучность, оттенки чувств, многозначность смысла. Слово, как сеть, захватывает такое широкое пространство, такие временные промежутки, что улов этот поначалу представляется невозможным, невероятным:

*Всё начиналось разговорами,
Чтобы немного погода
Эпоха щёлкала затворами,
Дыханья не переводя.*

*Сначала котелки да тросточки...
А нынче в поле, где пырей,
Не различить немые косточки
Ведомых и поводырей.*

Но это всегда есть в самой природе родного языка, и точное виденье благодаря прозрачности мгновенно становится предвиденьем и даже мудрым остережением для понимающих, ибо всё уже было, и поэту ведомо. В каждом стихотворении книги — своя глубина, но все они полны воздуха, мерцающего оттенками смыслов, пробуждающего в чутком читателе талант со-чувствия, со-переживания.

Русской, родной ощущается и та особая слитность с природой, которая есть практически в каждом сюжете. Загадка «русскости» в сущности своей проста: русский человек широк потому, что пространство своего бытия принимает как часть себя самого — и даже не часть, а основу. И он до сих пор ещё естественен, природен настолько, чтобы позволить себе и глубокий гармонический покой, непонятный и пугающий для непосвящённых, и сокрушительную стихию чувств, страшашую своей неизвестно откуда берущейся силой, и мгновенный переход от одного состояния к другому.

Чем дальше развивается цивилизация, тем больше настораживает и пугает её приверженцев эта широта и стихийность, но без неё русская душа высыхает, становится бессильной и вполне пригодной для оцифровки. И потому —

*...Как сладко услышать средь тысяч созвучий
Таинственный зов пламенеющей тучи
И шум поднебесный угрюмого бора
Раскатами неисчислимого хора!*

*Душе ведь не нужно особой науки —
Ловить на лету эти ритмы и звуки,
Мелодии, жалобы, вздохи и пенье
В которых сливаются страсть и терпенье...*

И ещё одно — родное, угадываемое с полустроки, полувздоха при чтении — русская музыка этих стихов. Искусственно ускоряемый, рваный ритм современной жизни чужд и губителен для русского человека, верлибр с его поэтической развязностью пуст, а рэп удрушающее тесен. Родня русскому — музыка, живущая в открытом пространстве полей, холмов, рек, взлетающая к вершинам гор — дышащая полной грудью.

Музыку не понимают — музыку чувствуют, ею настраивают мысли — а вовсе не наоборот. Она несёт в себе, говоря современным языком, основное знание о мире, о его глубинных закономерностях, и то, чего нельзя пока ещё постичь рассудком, постигается сердцем, его со-звучием, совпадением таинственных глубинных ритмов.

*Дождик шепчет, ветер колобродит,
Гром гремит, ревя ревет волна...
Музыка живёт в самой природе,
Потому и вечная она.*

<...>

*Луг звенит.
Над синей гладью плёса
Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосо,
Как награда — абсолютный слух.*

Может быть, потому и способна мгновенно подняться в русском человеке высокая волна воли. На языке

музыки русский и понимает природу, и принимает её покоей и её силу. Музыка определяет и должную меру поэтического пафоса, и остерегает от гибельного:

*В краю истерзанном и голом,
Где в полдень не видать ни зги,
Поэт, не жги сердца глаголом!
Во имя Господа
Не жги!*

Казалось бы — открытый спор с пушкинским «Пророком», где именно в уста Бога вкладываются слова «...глаголом жги сердца людей», явное противоречие, но ничего противоречивого здесь нет, есть точная мера слов и событий, мера, которую ощутить способна именно поэзия:

*Не перейди незримой грани,
Святой взыскуя правоты.
Ты видел сам —
На поле брани
Лишь ядовитые цветы...*

Ещё одна характерная черта русской поэзии — почти природная естественность метафор, а чаще даже и простой параллелизм. Русская метафора — не самоцель и даже не средство, и не столько превращение форм, сколько объединение их одним, единым, всеобщим содержанием:

*Где тихая роца кончается
И звёзды ночуют в реке,
Стоит одуванчик,
Качается
На тонкой зелёной ноге.
Прощаются люди,
Встречаются,
Стихают шаги за окном...*

*Стоит одуванчик,
Качается
На маленьком шаре земном.*

Казалось бы — и что в безыскусной простоте искушённого читателю? Но не в пищу праздному уму предназначены эти тонкие связи, они — соломинки для спасения, наилегчайшие мостики над оврагами и ущельями бытия. Поэзия Виктора Кирюшина очень земна, вполне конкретна — в ней много тёплых, родных сердцу примет, но не тяжёлых своей плотной материальностью, а словно светящихся изнутри, и свет этот высоко печален — как высоко и светло печально всякое соприкосновение души с красотой, вечного — с мгновенным, живущего — с уходящим или будущим. А какой словесной сладостью наполняются русские имена!

*На Руси предзимье.
Порыжело
В ожиданьи первого снежка
Вымокшее поле возле Ржева,
Луговина около Торжка.*

*Киновари досыта и сини,
Тронутой летучим серебром,
В тихой роще около Медыни,
В родниковом озере у Кром.*

*На венцах колодезного сруба
Смыта влагой летняя пыльца.
Ветрено в дубравах Стародуба,
Изморозь на куполах Ельца.*

*Как царевна юная наивна,
В небе пышнотелая луна,*

*А под ней Коломна
И Крапивна,
Нерехта, Кириллов, Балахна...*

И когда Виктор Кирюшин пишет о современниках (а в книге довольно много таких сюжетов и эскизов), о чём бы ни шла речь — это всегда любовование, даже если и горечь:

*Годы-то всё какие —
Сплошь из огня и дыма!
Бабушка Евдокия,
Матушка Серафима.*

*Боль от репьев-колючек,
Предощущенье строчек...
«Всё Он управит, внучек».
«Не унывай, сыночек»...*

Когда вынимаешь для цитат строки из контекста, не покидает странное чувство: словно срываешь один за другим цветы на лугу — для букета, но цветущий луг так и остаётся лугом, его не унести и не пересказать. Так и с настоящими стихами — они живут и наполняют живым воздухом книгу, в цитатах передавая только малую часть смысла. И вот вроде бы афористичность считается поэтическим «знаком качества», но ведь не так на самом деле — поэзия не в броских или чеканных строчках, а именно в воздухе, в особом веществе, которое в нём разлито... И это тоже очень русская черта.

Классическая стройность и собранность речи, её простота и прозрачность до таинственных глубин в наше время много- и пустоговорения дорогого стоят. Сколько бы ни изошрялась «актуальная» поэзия в поиске форм и способов завоевания читателя, остаётся истинно актуальным только то поэтическое простран-

ство, в котором родное слово раскрывает свою необозримую вселенную мелодии и смысла.

Виктор Кирюшин — глубоко русский поэт, и в рубежную эпоху, когда в ответ на вал глобальной культурной, национальной, личностной унификации начинает прощупываться, подниматься живое чувство родины, родной земли, истории, крови, слова, очень важно услышать — и сохранить возле сердца — родниковое, питающее душу:

*Вовсю метель гудит ночами,
И неприметен к лету сдвиг, —
Да мы и дней не замечаем,
Не то что краткий этот миг.*

*Но кто-то угли теплит в горне
И отнимает миг у тьмы,
И под землёю слышат корни
Всё то, чего не слышим мы.*

*Нина ЯГОДИНЦЕВА,
кандидат культурологии,
профессор
Челябинского государственного
института культуры*

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная премия.....	5
Об авторе.....	6
Небесконечная вечная жизнь. <i>В. Курбатов</i>	7

РОДНОЕ

«Пусто...».....	15
«Превратностей земная череда...».....	16
«На Руси предзимье...».....	17
«Задыхаюсь от косяязычья...».....	18
Старое дерево.....	19
Дождь.....	20
«В небе осеннем свинец...».....	21
Могилы поэта.....	22
Истина.....	23
Судимир.....	24
«Остановлюсь и лягу у куста...».....	25
«Заглохший сад...».....	26
Жизнь.....	27
«Льнёт паутина к седеющим мхам...».....	28
«Листья повымело дочиста...».....	29
Ночью.....	30
Дорога.....	31
Герань.....	32
На медведице.....	33
Река сестра.....	34
Покров.....	35
Мы остаёмся.....	36
Ранний снег.....	37
«Ненастьем истерзанный чертополох...».....	38
«Ходишь по краю...».....	39
«Пишите от руки...».....	40
Снегирь.....	41

Зимняя река.....	42
Странник.....	43
Желанье.....	44
«Услышать можно «нет» и «да»...».....	45
Попутчица.....	46
«Где точит берег невысокий...».....	47
«Вот за этой стеною...».....	48
Друзьями.....	49
Точка.....	50
Оттепель.....	51
На реке.....	52
Метро. Кольцевая.....	53
«Когда одолеют печаль и усталость...».....	54
«Сечёт по стёклам тёмная вода...».....	55
«Побудь со мною, тишина!..».....	56
«Вслед за омутом — мели...».....	57
«Леса одеты в рыжий мех...».....	58
«Всё это было так...».....	59
Звезда.....	60
«Полуоткрыты оконные створки...».....	61
«Ни тропинки, ни следа...».....	62
Стая.....	63
Поезда.....	64
Роща.....	65
«Здесь только вороньё витийствует картаво...».....	66
Змея.....	67
«Лежу на диване, болею...».....	68
«Обычности искус...».....	69
Слово.....	70
Желание.....	71
«Уходя подобру-поздорову...».....	72
«Давно забытая отрада...».....	73
«Не знаю, как любовь кончается...».....	74
Выстрел.....	75
«Вот мальчик...».....	76

Соловей.....	77
«Всего не постигнуть умом...».....	78
«Речки заросшее узкое русло...».....	79
«Сначала полем...».....	80
«Был вечер сер и тих...».....	81
«И дым черёмух у крыльца...».....	82
«Рябины стынущий рубин...».....	83
«Небеса набухшей парусиной...».....	84
«Разве слово о малости...».....	85
«Для горечи немало оснований...».....	86
«Бесчисленных встреч и прощаний...».....	87
«Какая долгая зима!...».....	88
Лесное озеро.....	89
«Хорошо быть дающим...».....	90
«Какое счастье пёрышком скрипеть!...».....	91
«Подошёл, похлопал по плечу...».....	92
Последний снег.....	93
«Всё в душе отзовется...».....	94
«Мне столько в жизни выпало любви!...».....	95
Смерть пастуха.....	96
«Видит Бог: я разлюбил дорогу...».....	97
«Ты уже не боишься своей наготы...».....	98
«Холодный ум небескорыстен...».....	99
Тьма.....	100
«Каждому дан этот выбор...».....	101
«Какие сиротские зимы!...».....	101
«Как спящая женщина, дышит вода...».....	102
«Сырая ночь хмельнее браги...».....	103
«Ледяная прозрачна заря...».....	104
«На Родине моей лежат снега...».....	104
Воспоминание.....	105
«Плачет окно...».....	106
«Всё это длилось только миг...».....	107
«Как этот палисадник одичал...».....	108
«Словно солнца весёлые слитки...».....	109

«Музыка...».....	110
«Вот голова седа...».....	111
Прибавление дня.....	112
В лесу.....	113
«Мерцанье прилива-отлива...».....	114
«Жизнь не так и плоха...».....	115
«Утренним лугом бегу...».....	116
«Мальчонка спит в зелёной зыбке...».....	116
«Индевеют лодки на приколе...».....	117
«Я по земле ходил...».....	118
Ремесло.....	119
«В каком году?...».....	120
«И в луже — голову нагни...».....	120
«На исходе сентября...».....	121
«Дождик шепчет, ветер колобродит...».....	122
Пожар в степи.....	123
Калитка.....	124
«Май на дворе...».....	125
«Что пройдёт, то будет мило...».....	126
«Дверной настуженный проём...».....	127
«Метель в Москве...».....	128
«Интерьер курортного романа...».....	129
«Вышел небритый...».....	130
Незнакомка.....	131
1 января.....	132
Ребёнок.....	133
Одуванчик.....	134
Гарь.....	135
Два бокала.....	136
Ода второму дыханию.....	137
«Март, напоминающий февраль...».....	138
Бабочка лимонница.....	139
«Густеет синь от края и до края...».....	140
Предзимье.....	140
«Так это в памяти осталось...».....	141

Ночное.....	142
Глубина.....	143
«Ты позвони...».....	144
«Вот кто-то, на меня похожий...».....	145
Календарь.....	146

ВРЕМЕНА

«Округу чуть припорошило...».....	149
Родина.....	150
«Отзывчив, почти как виолончель...».....	151
«Потемнели времён витражи...».....	152
Донбасс.....	153
Весы.....	154
Поэт.....	155
«Звёзд ледяных над городом кочевье...».....	156
«Ночью проснулся от крика...».....	157
Сказка.....	158
«Поговорим о чём-нибудь высоком...».....	159
«О, непогодь лисья!...».....	160
Ваньки.....	161
Два поколения.....	162
Биография.....	162
Времена.....	163
Советчики.....	164
Прозрения.....	165
Возраст.....	165
«Боярышник вырос на склоне холма...».....	166
Станция слеза.....	167
Юго-восток.....	168
«У края, у межи...».....	169
XXI век.....	170
«Всё призрачной в памяти лица...».....	171
В гостях.....	172
«Кухня, быт, постель, работа...».....	173
«Войны кончаются миром...».....	174

Художник.....	175
Послевоенный рынок.....	176
Родители.....	177
Охотник.....	178
Старухи.....	179
«Мне бы худым оказаться пророком...».....	180
Мигранты.....	181
Рогатка.....	182
«Вот пришли и наши стужи...».....	183
Рождество.....	184
Актёр.....	185
«Эта музыка в тиши...».....	186
В родительском доме.....	187
Пейзаж.....	188
«Еле слышен из-за леса...».....	189
«Надо бы вернуться восвояси...».....	190
Прощание.....	191
Осиновая горка.....	192
Мимо.....	193
«Лес обгорелый...».....	194
Дом.....	195
«Легко бежал, а всё-таки запнулся...».....	196
«Не путайте судьбу и участь...».....	196
Революция.....	197
«Пилят старик со старухой дрова...».....	198
Костёр.....	199
«Время — только для живых...».....	200
«Летопись о нас расскажет скупое...».....	201
«Ночью жизнь совсем другая...».....	202
«Медленно мельница времени мелет...».....	203
Ноша.....	204
«Вот живу и ладно...».....	205
«Утром над городом...».....	206
Музей закрывают.....	207
«Теперь не шлют бумажных писем...».....	208

«Спят на погосте земляки...».....	209
«Признаться, люблю кривотолки...».....	210
«Он день-деньской на стройке грязь месил...».....	211
Поленница.....	212
Пугало.....	213
«Прекрасна неопределённость...».....	214
«О милосердии, о вере...».....	215
Волк.....	216
«В краю истерзанном и голом...».....	217
«Не казнокрад, не грабитель...».....	218
«Тропа с холма сбегает вниз полого...».....	219
«Когда есправие царит...».....	220
«Деревня Хлебово...».....	221
Бабушка.....	222
«Мир всякой мудростью богат...».....	223
При виде танцующих стариков.....	224
После битвы.....	225
«Старался жить не напоказ...».....	226
Сапоги.....	227
Бывший лётчик.....	228
Телега и сани.....	229
«На рынке...».....	230
«Коллекционирую слова...».....	231
На руинах церкви.....	232
«Позже темнеет и раньше светает...».....	233
«Вид и убог, и божествен...».....	234
«Не найти у неба дна...».....	235
«Жизнь прожита...».....	236
«Годы-то всё какие...».....	237
Романс.....	238
Хорошо!.....	239
Прибавление дня. <i>Н. Ягодинцева</i>	241

Литературно-художественное издание

Кирюшин Виктор Фёдорович

Стихотворения

ОБЛАКА НАД САДОМ

Редактор: А. В. Кирилин
Дизайн и вёрстка: Ю. В. Раменская

*Подписано в печать 03.06.2019 г.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Формат 70*100/32
Тираж 500 экз. Заказ 265.*

*Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, пр. Красноармейский, 98 а
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail*

